

ЗИГМУНД КРАФТ

ТИМУР МАШУКОВ

ХЕЙТЕР ИЗ РОДА
СТУЖЕВЫХ

Тимур Машуков

Хейтер из рода Стужевых – 5

«Автор»

2026

Машуков Т.

Хейтер из рода Стужевых – 5 / Т. Машуков — «Автор», 2026

Приключения диванного хейтера продолжаются. Возвращение "домой", новый город и новая академия, воссоединение с "любящей" семьёй. Но хоть здесь-то получится отдохнуть? Просто побить парочку зазнаек и всё. Больше никаких интриг! Свобода! Так ведь? Так? Эээ...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	48
Г	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Тимур Машуков, Зигмунд Крафт Хейтер из рода Стужевых – 5

Глава 1

Звонок оборвал монотонный бубнёж профессора ровно в тот момент, когда его мысль, наконец, начала обретать смысл. Но он не стал продолжать и громогласно сообщил, что все свободны. По аудитории разнёсся вздох облегчения десятков людей и началась возня по сбору вещей.

Я устало закрыл конспект, отложил ручку и встал вместе со всеми. Честно говоря, даже устал удивляться тому, как можно так сложно и скучно преподавать магию.

Коридор мгновенно наполнился гулом голосов и скрипом подошв по полированному камню. В Тульской академии не было плитки, лишь обработанные огромные плиты природного камня, стыки между которыми было очень сложно заметить.

Мы с Васей шли не спеша, обсуждая спорный момент в аргументации профессора.

Вдруг наш путь преградили двое. Третьекурсники — Сергей Глыбов и Артемий Ветвицкий. Я их знал, оба бароны из успешных родов. Они не вели себя слишком дерзко или вызывающе, хоть лица и изображали лёгкую надменность. Парни просто заняли пространство перед нами, вынудив остановиться. На их синей форме гордо красовались нашивки курса и факультета — земли и дерева.

— Стужев, — начал Глыбов, голос его был басовитым, но без угрозы. В глазах играли искорки насмешки. — По академии уже ползут самые занятные слухи о тебе. Будто бы наш новоиспеченный второкурсник имел смелость вызвать на дуэль самого Виктора Хомутова. И будто бы ставка в этом... предприятии составила целых пятьдесят тысяч рублей. Это правда или плод чьей-то слишком богатой фантазии?

Я не сдвинулся с места, лишь перевёл усталый взгляд с него на Ветвицкого, который оценивающе меня разглядывал, и обратно. Как же всё очевидно, но мне же плюс, так что я улыбнулся.

— Всё верно, — не стал отрицать очевидное.

Старшаки переглянулись, и у Ветвицкого вырвался тихий, бархатный смех. Долго, наверное, репетировал.

— Прямо скажем, амбициозно, — произнес он, скрестив руки на груди. — Пятьдесят тысяч... Целое состояние для некоторых. Это навело нас на одну интересную мысль. Если уж ты вступишь в эту игру с такими ставками, то, вероятно, уверен в своих силах? Не боишься проиграть?

Он сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе вызовом. Не знают они, с кем связываются, меня таким дешёвым способом не вывести из состояния уверенности.

— Мы бы тоже не прочь предложить тебе поединок, — продолжил Ветвицкий, а Глыбов утвердительно кивнул. — На тех же условиях. Разумеется, если ты не струсил после первой же серьезной ставки. Или твоя уверенность столь велика, что пара лишних дуэлей не составит проблемы? — Артемий говорил сладко, но каждый его вопрос был уколом, попыткой задеть, вывести на браваду.

Они были уверены, что видят перед собой богатого выскочку, который переоценил себя и теперь попал в ловушку собственного тщеславия. Лёгкая добыча.

В принципе, раньше примерно так и было. Алексей любил бахвалиться, а потом сбегать либо съезжать с темы. Что ж, их ждёт неожиданный сюрприз.

Вокруг нас уже начала формироваться толпа зевак. Наши одноклассники замедлили шаг, прислушиваясь. На их лицах читалось понимание: кто-то смотрел с жалостью, кто-то с презрением, кто-то просто с холодным любопытством, ожидая представления. Пара человек якобы беспалевно уже начали снимать происходящее на смартфоны.

... «Бедный Стужев, нарвался, теперь совсем затравят»

... «Идиот, деньги девать некуда, сейчас его разорят»

... «Допрыгался, довыпендривался с Хомутовым, а вот и ответочка»

Какие только фразы мой слух не выхватывал из общего гула, но эти слова меня совершенно не задевали. Кто-то даже испытывал ярость, не совсем, правда, понятно на кого, так как источников было несколько, все рядом. Так что я стал ощущать себя бодрее от наплыва халявной энергии.

Настроение поднялось, я еле сдерживался, что не рассмеяться с ситуации. Все эти выскочки были передо мной как на ладони: их самоуверенность хрупка, построена на курсовом превосходстве и слухах о прежнем Алексее. Они совершенно не знали, где я пропадал целый год и чем занимался. Для них я был просто «новеньким со второго».

А пятьдесят тысяч... Для меня это были деньги, о потере которых пожалел бы разве что из принципа. На счетах за лето скопилась приличная сумма, пора было задуматься о выборе очередного артефакта. Третьего.

Рисков никаких для меня не было, даже если проиграю кому-то, погоды для моих финансов это не сделает.

— Струшу? — усмехнулся я. — Сделаю вид, что вы меня с кем-то перепутали. Если вам угодно испытать свою удачу, я не стану отказывать столь достойным джентльменам. Условия боя принимаю любые, выбирайте. Дам вам фору.

От такой наглости парни обомлели, но тут же поспешили повернуться немного и помахать в сторону камеры, а потом произнести кодовую фразу о вызове на дуэль. Я так же показательно ответил согласием.

Бароны чуть ли не подпрыгнули от радости, уже чувствуя халявные деньги в своих карманах.

— Отлично! — Глыбов потёр предвкушающе ладонями. На его лице играла довольная улыбка. — Мы в дуэльный комитет сами ходим, если не возражаешь.

— Не возражаю.

Они кивнули с преувеличенной учтивостью и поспешили прочь. Их плечи еще вибрировали от сдержанного смеха, а стоило зайти за угол, как по коридору, несмотря на довольно громкий шум десятков голосов студентов и топот, послышался хохот. Оба уже мысленно травили деньги.

Как только они скрылись за поворотом, Василий, сдерживавший себя все это время, схватил меня за локоть. Его глаза сияли не просто дружеской поддержкой, а неподдельным, почти детским восторгом.

— Алексей, да ты гений! — прошептал он, потирая ладони. — Сразу двое! Это же... сто тысяч! Ты обещал гулянку! На этих выходных мы отпразднуем с размахом!

Я улыбался, смотря на его радость.

— Не спеши так, неизвестно ещё, когда дуэльный комитет поставит даты. Это может быть как через неделю, так и через месяц.

— Но у них же есть твои данные! Одобрят, уверен!

— Успокойся, Вася. Сначала нужно их победить. Но...

Я бросил взгляд в сторону, куда ушли старшаки и где ещё слышался удаляющийся смех, и сам беззаботно ухмыльнулся.

— Думаю, проблем с этим не будет. Они даже не представляют, с кем связались. Но и мне стоит справки навести про них. Уверен, найдём сердобольных, которые навалят экспозиции по жалости.

Одногруппники, проходившие мимо, слышали и видели наше самодовольство. Их жалость и презрение сменились недоумением. Многие перешептывались: «С ума сошёл? Совсем дурак? Или сбежит?»

Но для меня их шёпот уже ничего не значил. Дорога впереди вела не к неприятностям, а к очень, очень выгодным перспективам. И первая из них — это пир с лучшим другом, достойный грядущих побед.

— Сердобольных? — раздался рядом презрительный женский голос. — Стужев, слухи о тебе не ввали. Полный идиот.

— Леди, вы тоже хотите спарринг за деньги? — усмехнулся я, поворачиваясь к девушке. — Думаете, постесняюсь вас вызвать?

Красивая, её каштановые локоны были мягкими и воздушными на вид, так и хочется потрогать. А вот взгляд надменный и презрительный. Нашивка говорила о четвёртом курсе водного факультета.

Взгляд опустился ниже — формы тоже неплохие, пиджак подчёркивал тонкую талию, а юбка — широкие бёдра. Как и любая женщина, она любила внимание, так как верхние пуговицы блузки были расстёгнуты, выставляя на обозрение шикарную грудь.

Видя направление моего взгляда, она усмехнулась.

— Не по твоему карману рыбка, Стужев, даже не мечтай.

И прошла мимо.

— А как же сердобольность? У тебя её нет? — крикнул я в спину.

Девушка остановилась и обернулась.

— Глыбов и Ветвицкий, может, и не самые сильные бойцы на потоке, но твёрдые середняки. Держатся в верхней части рейтинга. Если соизволишь выслушать совет доброй девушки, — она хмыкнула, — то отдай им эти деньги как откуп. А то будешь позорно и прилюдно избит.

— А если я их побью? — с вызовом усмехнулся я.

Она лишь покачала головой и снова отвернулась.

— Я ведь серьёзно!

— Тогда я тебя поцелую, — засмеялась она и скрылась за поворотом.

Шикарное начало года.

— И вот как тебе это удаётся? — тихо возмутился насупившийся Вася. — Первый день, и уже какую красотку себе отхватил!

— Ага, — хмыкнул я. — Ещё бы знать, кто она такая.

— Да что там знать, — отмахнулся мой друг и мы пошли дальше по коридору. — У неё на лице написано, что аристократка. А кто — графиня, баронесса — значения уже не имеет. Ты у нас птица важная, кого угодно соблазнишь.

— Ну, это ты что-то загнул, — смутился я. — Я не герой-любовник, не альфа самец...

— Ты?! Ха! — перебил меня друг. — Сейчас опять половину парней академии унизишь на дуэли, и отбоя не будет от женского внимания. Это там то Цветаева, то сама графиня Земская была. А теперь вот, — он кивнул в сторону прохода, где скрылась девушка. — Более чем уверен, вы скоро замутите.

Приятно, что тут сказать, так что я засмеялся, как и он, и похлопал его по плечу приободряюще.

— И на твоей улице будет праздник, вот увидишь. Встретишь любовь и женишься, а вот мне надо быть в этом плане осмотрительнее. Так что ещё вопрос, кому повезёт больше в итоге. Как бы мне не пришлось на косою и кривой жениться ради блага рода.

Василий покосился на меня скептически и хмыкнул:

— Вот не надо пытаться тут меня утешать. Я ведь рад за тебя, хоть и немного завидую.

— Немного?!

Смеясь, мы дошли до следующей аудитории, а вскоре прозвенел звонок.

* * *

Интерлюдия

Задний двор академии в этом уголке больше походил на заброшенный парк. Воздух был прохладен и пах влажной землей и прелой листвой. Здесь, в тени полуразрушенной мраморной беседки, обвитой пожухлым плющом, маялась в ожидании Мария Стужева. Она теребила крайнюю пуговицу своего пиджака, стараясь придать лицу выражение холодной уверенности. Получалось плохо — в глазах светилось нетерпение.

Из-за вековых кряжистых дубов вышел Виктор Хомутов. Он шел не спеша, уверенно. Пиджак был расстёгнут, руки в карманах брюк. Уголки губ приподняты в полуулыбке, в которой читалось снисхождение и завышенное чувство собственной значимости.

— Мария. Я начал думать, что ты все же решила последовать совету своего отца и избегаешь меня, — его голос был бархатистым, игривым. Он остановился перед ней, не пытаясь прикоснуться, просто изучая ее лицо. — Разу уж твой братец вернулся в город и собирается оберегать тебя, как цербер.

— Может, и стоило, — выдавила она, отводя взгляд к пожелтевшей листве. — После того, что ты... После всего. Летом ты клялся, что все будет иначе.

Она произнесла это без настоящей силы, как заученную фразу обиженной принцессы. В который раз уже происходил этот разговор? Она даже знала ответ парня наперёд.

— Ты же знаешь, мой отец ещё не выбрал кандидатку, — раздражённо сказал он. — Как только станет известно имя, ты станешь официальной кандидаткой номер два.

Мария горько ухмыльнулась — угадала. Опять. Когда же он исполнит своё обещание? И исполнит ли?

Девушка отмахнулась от плохих мыслей. Пока этот роман существует, она ничем не рискует, по сути.

— Сейчас у нас проблема поважнее, — он сел рядом с девушкой и притянул её к себе за талию левой рукой, а правую положил ей на коленку. — Твой братец нам житья не даст, как уже бывало не раз. Но ничего, скоро я выбью из него всю спесь.

— Он изменился, — выдохнула она, пытаясь остановить его ладонь, которая скользила по внутренней части бедра.

— Здесь не глухая провинция, — продолжал парень шёпотом, плотнее прижимаясь к ней. — Здесь все серьёзно. И ты со мной серьёзно. Страхи твоего отца просто смешны. Как и твой братец, он глуп и недалновиден.

— Да я ж серьёзно! — Марии наконец удалось убрать его ладонь подальше от самого заветного. — Алексей теперь не тот, что прежде. Совсем. Он стал гораздо сильнее, наглее! Сам подумай, ему разрешили дуэль с артефактами против четвёртого курса!

Виктор фыркнул, убрав ладонь с её колени, и его лицо исказила гримаса презрительного веселья.

— Именно! С артефактами! Я, граф Хомутов, его уделаю по полной программе! Сколько у него побрякушек? Одна? Две? У меня будет пять!

— Два артефакта у него, но они...

Она не успела договорить, так как Виктор рассмеялся.

— Две дешёвые прибуды, а у меня — пять высококлассных артефактов! Да что он сможет мне противопоставить?! Возгордился, что вторую звезду неопита получил? Это ничто против моего опыта!

Мария хотела было напомнить, что Алексей победил Валентина, но сдержалась. Роживших ей не хотелось вспоминать от слова совсем. Да и там были артефакты один на один. Может, Хомутов и прав?

— Твой братец, дорогая моя, набивает себе цену. Думает, если осадил где-то в провинции парочку проходимцев, то теперь может тягаться со мной?

Виктор выпрямился, и в его позе появилась привычная напыщенность.

— Он забыл, где находится. Это не его отсталый Тамбов, где уровень образования стремится на дно. Это Тула. Наша академия даст фору любой провинции, да мы даже от Москвы не сильно отстаём! Здесь за три года я добился того, о чём ему и не мечтать. Преподаватели, студенты, члены советов... У меня здесь все схвачено. Он же всего лишь новичок с плохой репутацией. Я его сломаю в первом же раунде. И все это увидят.

Он говорил это с полной уверенностью в себе и своих силах. Дуэль для него была не испытанием силы, а публичной экзекуцией. Способом раздавить Алексея, унижить весь род Стужевых и, наконец, сломить последнее сопротивление Марии. По его извращенной логике именно Алексей, с его неодобрением и насмешками, был камнем преткновения. Убери камень — получи приз.

— Но он... — начала неуверенно Мария, но Виктор резко перебил её.

— Он ничто, — прошипел он, и в его глазах на мгновение мелькнула та же ненависть, которую и она испытывала к Алексею. — А ты будешь сидеть на первых рядах и смотреть, как твой надменный брат ползает у меня в ногах. И тогда, наконец, поймешь, кто здесь настоящая сила. Кто достоин тебя.

Марии хотелось, чтобы брат испытал унижение, а отец, наконец, раскрыл свои глаза на это ничтожество. Но в то же время она остерегалась, что и в этот раз Алексей одержит победу. Как тогда над Валентином. Над тем, в чьей победе она не сомневалась.

Где-то в глубине души он всё ещё считала, что всё это ошибка, незаслуженная удача, внезапно свалившаяся на недостойного братца.

Виктор провёл тыльной стороной ладони по её щеке, а затем грубо притянул к себе для поцелуя. Он всегда был таким напористым, и ей это нравилось. Только вот Мария все равно не собиралась переступить черту до официального брака.

Граф Хомутов выбрал её. Уже больше года прошло, как длятся их странные отношения. Никогда и ни с кем Виктор не был так долго — это ли не знак, что он настроен серьёзно?

— Витя! — крикнул кто-то, и тот нехотя оторвался от Марии, а она запоздало поняла, что и не заметила, как парень снова залез ей под юбку. От осознания этого она залилась краской и отвела взгляд.

Усмешка Виктора стала шире, торжествующей. Ему уже начала нравиться эта неприступность и неопытность Марии. Да и привык уже к ней за это лето. Он предвкушал, как после победы над болтливой выскочкой получит долгожданный приз за победу. И его дружки больше не посмеют подкалывать, что сам Хомутов не смог какую-то несчастную баронессу завалить в постель!

— Не переживай. После дуэли многие пересмотрят свои взгляды. Особенно твой упрямый отец.

— Витя, да сколько можно?! — из-за изгороди появилось недовольное лицо Николая, друга Хомутова. — Сейчас тут будут гости!

Хомутов поднялся со скамьи и поспешил к нему:

— Да иду я уже, иду!

Мария тоже поспешно подскочила и направилась в противоположную сторону. Их ни в коем случае не должны видеть вместе, иначе донесут обязательно! Слишком много у Марии завистниц — еще бы, такого парня отхватила!

Сердце билось в груди, а тело дрожало от смеси возбуждения, смущения и горечи. Она ненавидела Алексея за то, что сама считала себя достойнее его. И за то, что в последний год он настолько усилил свои позиции: друзья, одобрение отца, победы.

Иногда она и сама начала сомневаться в своём выборе — и это её злило не меньше. Девушку переполняло ядовитое желание: чтобы Алексей действительно проиграл. Чтобы это, наконец, доказало всем, и в первую очередь ей самой, что ее выбор — не слабость, а расчёт. Ставка на силу истинного победителя.

Глава 2

Кабинет управляющего пах лаком для мебели и озоном. Я сидел в его кожаном кресле, развалился, с демонстративной неспешностью. Отец дал карт-бланш, и я им пользовался. Все уже было подготовлено, мне оставалось лишь сделать важный шаг и внедрить свои изменения.

Передо мной лежали два комплекта документов. Слева — парадный отчёт, тот самый, с идеальными цифрами. Справа — скромная папка с копиями оригинала, которую Ваня Семёныч, бухгалтер, передал мне во время инспекции.

После мы встречались еще дважды для конструктивного диалога. Поняв, что я настроен серьёзно, бухгалтер полностью поддержал меня и обязался помогать. Он работал здесь десятилетиями, платили хорошо. Вот только махинации управляющего ему никогда не нравились. Тот не раз попадался, но всегда оставался на посту, и у бухгалтера сложилось впечатление, что ситуацию не изменить. На местах царило кумовство, а в штате бухгалтерии сидели две родственницы начальства, которые не делали ровным счётом ничего. Но зарплату получали исправно, естественно.

Управляющий, Степан Игнатьевич, стоял у окна, будто надеясь раствориться в грязноватом стекле с видом на цеха. Он больше не лебезил, как с моим отцом, потому что понял наконец — мне это не нужно. Мужчина замер, как зверь в свете фар, чувствуя ловушку, но не видя её границ. Он явно не ожидал, что молодой парень, студент академии, возьмётся за семейный бизнес всерьёз. Думал, сможет договориться.

— Садитесь, Степан Игнатьевич, — сказал я безразлично, не глядя на него. — Обсудим текущие вопросы.

Он медленно опустился на стул напротив. Ваня Семёныч, получивший мой кивок, скромно пристроился сбоку, положив на колени небольшую папочку. Наверное, некие документы для убеждения. Но не думаю, что они могут потребоваться. Тут и так всё понятно, и решение мной принято.

— Начнём с итогов прошлой проверки. Штрафные санкции по инциденту шестнадцатого числа возвращены в казну рода. Формально вопрос закрыт. Но остался вопрос доверия. К вашим отчётам и управленческим решениям.

Управляющий попытался вставить что-то о «высоком КПД» и «перевыполнении плана», но я мягко его перебил, ткнув пальцем в правую папку.

— Здесь, например, брак по линии магической пропитки новых сердечников. Фактические восемь процентов против ваших отчётных трёх. Разница в пять процентов утиля — это не мелочь. Это либо халтура, либо сознательное искажение данных для получения премии за «высокое качество». Что это, Степан Игнатьевич?

Цвет его лица посерел. Он бросил ненавидящий взгляд на бухгалтера.

— Это... технологические сложности на этапе освоения! Мы работаем над снижением! — уверенно заявил он, но я ясно услышал панические нотки в его голосе.

— Работаете? Или замалчиваете? — мои слова повисли в тишине кабинета. — Видите ли, мне теперь сложно верить вам на слово. Мне нужен человек, который даст честную техническую картину, без прикрас. Не для отчёта, не для галочки, а для дела.

Я повернулся к бухгалтеру.

— Ваня Семёныч. Вы рекомендовали кандидатуру. Старший мастер, который реально знает цех.

Бухгалтер кивнул, чётко, по-деловому.

— Так точно. Терентий Михалыч. Старший мастер пятого, нового цеха. И был мастером четвёртого последние шесть лет. Управляющий, — он даже не взглянул на Степана Игнатьевича, — его не жалует. За прямооту.

Управляющий побледнел.

— Этот пьяница?! Да он вечно всем недоволен! Консерватор, который новые технологии в гробу видал! — возмутился он.

— Он не пил, по крайней мере, на работе, ни разу за десять лет, — холодно парировал бухгалтер. — В отличие от некоторых «ценных кадров».

— Пригласите его, — приказал я. — И принесите, пожалуйста, журналы по браку за последний квартал. Все.

Бухгалтер быстро вышел. Управляющий молчал, глотая воздух. Ловушка захлопывалась, и он это понимал. Пока бухгалтера не было, я игнорировал жалкий лепет Степана, который пытался очернить мастера.

Через несколько минут в кабинет вошёл Терентий. Мужчина под шестьдесят, крепкий, приземистый, будто вырубленный из корневища старого дуба. Лицо — сеть глубоких морщин, запылённых металлической взвесью. Глаза — узкие, пронзительные, светло-серые, как сталь. На нём была та же тёмно-синяя роба, что и на всех местных работниках, но на груди — нашивка старшего мастера. Он вошёл, оценивающе скользнул взглядом по управляющему, потом перевёл его на меня. Не поклонился, а кивнул в знак уважения. Стоял прямо, руки по швам, но не вытягивался в струнку.

— Терентий Михалыч? Вы знаете ведь, кто я? — решил уточнить на всякий случай.

— Чего б не знать, — буркнул он. — Господарь наш, барон Стужев. Младший.

— Алексей Платонович, — усмехнулся я его обращению.

— Как скажете, — кивнул он.

Я отодвинул от себя все финансовые папки. Сейчас было важно другое.

— Расскажите про новые линии. Про настоящие проблемы. Не то, что пишут в бумагах для начальства, а то, что мешает работать вам и вашим людям.

Терентий на секунду задумался, потом его взгляд снова метнулся к бледному управляющему.

— Прямо? Вот так и сказать?

— Прямее некуда, — подтвердил я. — Главбух должен был вас предупредить. С этого момента вы отвечаете за техническую правду передо мной. Только факты.

Он медленно вздохнул, и будто какая-то внутренняя натянутость ушла.

— Факты такие, — по-деловому заявил он, всё с таким же хмурым выражением лица и недовольством. — Автоматика — капризная барышня. На третьей линии контур охлаждения слабоват, греется, оттого и брак по пропитке идёт — сердцевина неравномерно насыщается. Установщики от производителей обещали адаптацию под наши сети, но не доделали. Сказали, за что уплачено, то всё сделали. Я предлагал настройку произвести нашей внутренней энергосети. Тут нанимать никого не надо, своими силами справимся. Только материалы закупить надобно. Но мне был отказ. Сослались на дороговизну и сроки поставок. А то, что ресурс ключевых амортизационных рун при таких условиях — в полтора раза меньше паспортного, никого не волнует. Выбивает, станки встают — так отправляйте обратно, таков приказ. И главное — люди. Те, кто на старом оборудовании собаку съел, новые схемы не понимают. Учат кое-как. Оттого и пьянка была, от бессилия, наверное. А им не объясняют — им штрафы тычут.

Каждое слово било точно в цель. Не жалоба, а сухой, выверенный доклад изнутри системы. Управляющий зашевелился, забормотал что-то про «клевету» и «неблагодарность», но его голос был похож на жалкий писк.

— Спасибо, Терентий, — сказал я искренне. — Это то, что мне нужно было услышать.

Я развернулся к управляющему. Тон сменился на административный, холодный.

— Степан Игнатьевич. До конца недели вы предоставляете мне новый, правдивый план-график работ по доводке линий, со сметой, основанной на данных Терентия. Все заявки на дорогостоящие запчасти будут теперь согласовываться им и отправляться в бухгалтерию. Вы

пока остаётесь на своей должности, — я увидел, как в его глазах мелькнула слабая надежда, — но вся техническая и кадровая политика на производстве теперь курируется старшим мастером Терентием. В течении месяца он передаст свой пост и обучит персонал, а потом официально займёт место управляющего. Если вы к тому времени проявите себя как надёжный сотрудник, то станете помощником управляющего. И даже не думайте увольняться в этот месяц — уволим задним числом по статье за хищение. Так что не только отпускных и премиальных не увидите, но и зарплаты за полмесяца. Вам ясно?

Он не смог даже кивнуть. Просто беззвучно пошевелил губами о какой-то несправедливости.

Я встал, обращаясь уже к Терентию.

— Завтра, в восемь утра, я буду у вас в цеху. Пройдём по всем проблемным местам. И вы представите мне людей, на которых можно положиться. Для обучения, для контроля. Вопросы есть?

Старик-мастер ошарашенно уставился на меня.

— Так воскресенье же... Вопросов нет! К восьми будем готовы.

— Отлично. На сегодня всё.

Я вышел из кабинета, оставив за спиной рухнувшего в кресло управляющего и бухгалтера, который уже что-то тихо говорил Терентию, показывая на бумаги.

* * *

Интерлюдия

Корзина в руке Василия Лыдинова отяжелела от продуктов: сырные нарезки, фрукты, зефир. Список от Настасьи, помощницы главного повара дома Стужевых Егора, был длинным и специфичным. «После обеда у хозяйки гости, а у меня все руки в тесте, Василий, выручите!»

Как можно было отказать простой женщине в возрасте? Парня воспитали отзывчивым, тем более к старшим. Вот он и выступил в роли курьера, всё равно не был занят.

Вася остановился перед стеллажом с конфетами, глаза забегали по ярким упаковкам в поисках той самой марки бельгийского шоколада, которая была помечена в списке. Коробки стояли плотно, но вскоре нашлась нужная ему. Он уже потянулся, когда заметил, что место перед ней занято.

Девушка, склонившаяся над нижней полкой, внимательно изучала ценники на скромных плитках отечественного шоколада. Её поза, чуть ссутуленная, будто от холода, говорила о сосредоточенности и... какой-то осторожности.

— Извините, можно подвинуть вас на минуту? — несколько резко спросил Василий, торопясь закончить с поручением. — Мне нужно коробочку вот с той полки.

Девушка вздрогнула, словно её поймали на чём-то предосудительном, и мгновенно отпрянула, ударившись головой о его вытянутую к шоколаду руку.

— Простите! Я... я задумалась и не заметила.

Их взгляды встретились. Василий замер, корзина вдруг стала невесомой. Перед ним была Аня Мельникова с его потока.

На лекциях она сидела впереди, чуть сбоку от него. Он и сам не замечал, как переставал слышать лектора, любуясь ей. Девушка будто смутно напоминала ему кого-то, но он никак не мог понять, кого. Как ни пытался отвести от неё взгляд, тот постоянно возвращался. Потому что Аня была очень красивой. Короткие тёмные прямые волосы чуть ниже плеч, которые она собирала в высокий хвостик на физкультуре. И открывала свою шею, такую тонкую и изящную. Ну никак у Васи в голове не укладывалось, что это простолюдинка.

Она почти ни с кем не общалась, даже в столовой, в кругу своих братьев по социальному статусу, постоянно молчала. Ему хотелось увидеть её улыбку, а не сосредоточенность и хмурость на таком красивом лице.

Пуговицы на её блузке всегда были застёгнуты по самое горло, как и пиджак, но форма не могла скрыть тонкую талию и пышную грудь. Ещё и низенькая, миниатюрная. Таких хотелось защищать.

Сейчас она была в простом вишнёвом свитере и джинсах, волосы распущены. Без академической формы Мельникова казалась ещё более милой. И красивой. Потому что на её лице не было напряжения, к которому он привык. Она казалась обычной девушкой.

— Мельникова? — выдохнул он, и резкость в его голосе растаяла без следа.

— Лыдистов, — кивнула она, всё ещё немного смущённая, потирая макушку, которой ударилась о его локоть.

Василий, забыв о конфетах на секунду, испытал страх и стыд за то, что, по сути, её ненароком ударил.

— Прости, я не хотел. Не больно?

— Да ничего, — она махнула рукой, и на её губах мелькнула неуверенная улыбка. — Ничего страшного.

Разговор как-то сам собой завязался вокруг банальностей. Тяжёлого начала учебного года, сложной и скучной темы по расширенной теории заклинаний, с требовательного физкультурника, который будто готовил их к войне и требовал незамедлительных успехов и отточенных движений в фехтовании.

Василий, на удивление самому себе, обнаружил, что говорит легко, без обычной в таких ситуациях скованности. Может, потому, что здесь не было любопытных глаз сокурсников, не было давящей атмосферы академии с её замалчиваемым социальным неравенством. Здесь они были просто парень и девушка в супермаркете.

— Да, Искрин тот ещё зануда, — улыбнулся Василий, наконец снимая с полки заветную коробку шоколада, а потом ещё две.

Он заметил, как жадный взгляд Ани прилип к яркой упаковке. Но она тут же отвела его сторону с виноватым видом.

— «Бельгийский шик», — сказала она нервно. — Хороший выбор, его часто рекламируют. Вкусный, наверное.

Последнее она сказала еле слышно, и Вася замер. Он ведь сам таким был не столь давно — сэкономил на всём. Аня наверняка банально не могла позволить себе эти конфеты.

А ещё — репетитора, как и все простолюдины. Он помнил, как с магией мучались в Тамбове, видел, как Аня не могла совместить щит и активные движения на фехтовании. Её концентрация падала, а щит разрушался, что приводило к травмам. Которые она, разумеется, лечила естественным способом, а не магией.

Вася принял для себя решение и взял четвертую коробку «Бельгийского шика».

— Ну, мне пора, — сказал он, внезапно ощутив неловкость от того, что задержался, когда его ждёт Настасья. — Удачи.

— Спасибо, — кивнула она, снова уткнувшись в ценники.

Василий расплатился на кассе, но вместо того, чтобы сразу идти к выходу, задержался у стеклянных дверей, делая вид, что проверяет список. Он видел, как Аня подошла к кассе с маленькой плиткой самого дешёвого шоколада и булкой хлеба. Сердце его сжалось. Он подождал, пока она выйдет на улицу и свернёт за угол, и тогда догнал её лёгкой рысью.

— Мельникова, подожди!

Она обернулась, удивлённая. Василий протянул ей небольшой бумажный пакетик. Из него выглядывал тот самый «Бельгийский шик».

— Возьми. Я... купил случайно лишнюю коробку.

Аня покраснела и отшатнулась, как от раскалённого железа.

— Нет! Что ты! Я не могу...

— Можешь, — мягко, но настойчиво перебил он. — Пожалуйста. Это не... Я не из жалости. Просто я видел, как ты на них посмотрела. Я ведь... Я бастард, всю жизнь прожил простолудином. Если бы талант не пробудился... В общем, держи. Считай, что так я закрываю гештальт из своего детства. Когда моя бабушка не могла позволить купить мне сладости.

От такого внезапного потока личной информации Аня совсем растерялась. А ведь она считала, что Лыдистов с бароном Стужевым друзья детства, выросли вместе. Как же так получается...

Она колебалась, но всё же взяла конфеты, с облегчением ощущая, что парень перед ней не такой уж и далёкий, высокомерный дворянин.

— Я... я потом отдам деньги, — пробормотала она, спохватившись, но прижимая пакет к груди.

Вася же сглотнул от того, как нежно сжимают его подарок. Ему бы самому ощутить эту мягкость девушки. Но что-то мысли его уходят не туда. Он ведь никогда не встречался ни с кем, Аня наверняка его отвергнет, нечего и надеяться.

— Об этом и речи нет, — отмахнулся он, отпуская ситуацию. И тут, воспользовавшись моментом, добавил то, что вертелось у него в голове с момента их разговора о фехтовании. — Слушай, я... я заметил, у тебя на практике были проблемы с нейтральным щитом в движении, в момент удара.

Аня смутилась ещё больше.

— Да, это... да. Не идёт совсем. То щит падает, то руки не слушаются, — виновато сказала она.

— У меня в прошлом семестре была та же беда, — солгал он во благо. На самом деле, с базовыми связками у него проблем не было никогда. Даже до встречи с Алексеем. — Но мне помог один приём. Если хочешь, могу показать. Безвозмездно, — поспешно добавил он, видя, как её глаза округлились. — Мне самому будет полезно повторить. Тренироваться в одиночку скучно.

Он сказал это как оправдание для себя. Это был единственный разумный предлог, шанс стать к понравившейся девушке немного ближе. Потому что он не умел ухаживать красиво, не обладал харизмой и обаянием Алексея, из-за которого к тому липли женщины. Да и помочь хотелось искренне.

Анна смотрела на него с недоверием, смешанным с надеждой. Бесплатный репетитор из сильных студентов — это было неслыханной удачей. Особенно для неё.

— Ты... серьёзно? Но где? В академии...

Она запнулась, краснея. Ведь она как обуза для дворянина. Кто он и кто она. Конечно, он не захочет с ней видеться при всех своих друзьях.

— В спортивном комплексе на Алексинской, — тут же нашёлся Василий. — Там есть закрытые залы для индивидуальных тренировок. Я могу арендовать. Сегодня вечером, после семи тебе будет удобно?

Она молчала, обдумывая. Он видел, как в её голове взвешиваются риски и возможности. Наконец, Аня кивнула, коротко и решительно.

— Хорошо. Я приду. Спасибо. И... за конфеты тоже.

Она повернулась и почти бегом зашепила прочь, крепко прижимая к груди его подарок. Как хорошо, что он догадался положить такой дорогой шоколад в бумажный непрозрачный пакет! Аня явно не хотела привлекать внимание соседей.

Василий смотрел ей вслед, и в его груди бушевали противоречивые чувства. Лёгкая, почти мальчишеская эйфория от того, что он наконец заговорил с ней, что она согласилась, что вечером они увидятся. И тяжёлый, холодный камень на дне души.

Проблемы были, и серьёзные. Наверняка она согласилась из-за того, что он дворянин, а не потому что ей понравился. Потому что у него есть деньги на вот такие подарки. Но в это не хотелось верить. Аня выглядела простой и честной.

А ещё.. Он втягивает её в свой круг общения. А там есть его друг и господин Стужев Алексей, который как магнит для неприятностей. И над ними уже сгущались тучи. Хомутов наверняка после проигрыша в дуэли будет всеми силами пытаться насолить Алексею. А Вася тут слабое звено. Если в Тамбове его ничто не связывало, то здесь...

Если враги узнают, что Мельникова для него не просто однокурсница... Она станет мишенью. Живой, хрупкой мишенью в их грязной войне. И неизвестно, какие масштабы примет всё это. После Тамбова и хитросплетений интриг в той академии, он не сомневался, что и здесь всё будет непросто.

Льдистов шёл обратно к дому с тяжёлым пакетом, и радость от предстоящей встречи смешивалась с горечью раздумий. Он сделал шаг к тому, о чём долго мечтал украдкой. И как бы этот шаг, возможно, не поставил под удар того, кто ему уже был дорог.

Он не хотел становиться обузой для друга, тем более из-за девушки. Но в то же время он видел, как другие встречаются с противоположным полом, и ощущал себя ущербным. Ему также хотелось романтических отношений с девушками. Быть как все. И пусть это лишь юношеские гормоны, выпускать через агрессию на тренировках свою неудовлетворённость он устал.

Будущее висело перед ним неопределённой, зыбкой дымкой. Но в то же время Вася понимал, что хочет вновь увидеться с этой девушкой вечером. Потом желательно тоже, и не просто на занятиях в академии. А проблемы... Что ж, будет решать их по мере поступления. Может... Существует же вероятность, что гром над Тульской академией не разразится?

Глава 3

Я сидел в архивной комнате, передо мной были разложены страницы дневника моего прадеда по материнской линии — Андрея Ивановича Жарова. Это последнее, что я прочёл из той коробки.

Увы и ах, мне не удалось найти и намёка на то, что дар его являлся каким-то необычным. Как раз наоборот, он гладко шёл по обучению, которому в дневниках внимания уделялось меньше, чем любовным победам и тому, как он раскатал очередного надуманного врага. Дед любил всем и каждому доказывать свою правоту, а основа для этого, как правило, — дуэль.

Оказалось, отец не просто так презирал деда Андрея, видя в нём позёра и пустозвона. И был прав, по сути. Среднего уровня маг огня с раздутым самомнением.

Я много прочитал и о своем отце, Платоне. Для прадеда Андрея он был, в первую очередь, разочарованием: тот хотел видеть во внуке продолжателя — мага огня. Но не вышло. Зато прадед обожал свою дочь, мою бабушку. Её побег к «недостойному» Стужеву Борису (моему деду), простому «провинциальному барону», стал для графа Жарова ударом. «Как она могла?!» — строчка за строчкой повторялось в его записях. Ведь они — графский род из Подмосковья, могла бы найти себе кого и подостойнее.

Но, несмотря на обиду, связь он не прерывал, в отличие от остальных членов рода Жаровых. И как минимум раз в год навещался в гости на недельку. Его не выгоняли, хоть он и был вечно брюзжащим вредным стариком. Думаю, именно здесь, в доме дочери, которую он так и не смог перестать любить, прадед позволял себе быть уязвимым — и записывал свои настоящие мысли, без графского лоска. Которые, возможно, ему было бы неуместно показывать другим членам рода. Так они и оказались здесь.

И всё же, я не зря потратил своё время. В записях было много подсказок для меня по магии огня, которые сам дед считал мелочами, совсем не тайнами, и делился мыслями о них.

Также было в них кое-что ещё. Его восторг по поводу того, как он прорвался на уровень подмастерья в двадцать пять лет: «...прорыв через «пепельный барьер» лежит не в усилении пламени, а в его полном отрицании. Мгновенное сжатие, коллапс сердечника со скоростью мысли. Превращение активного горения в потенциал абсолютного нуля, и лишь затем — контролируемый взрыв НОВОГО качества. Ключ — не мощь, а переворот. Инверсия. Смерть стихии как условие её возрождения на уровень выше...»

Отчасти похоже на бред, если смотреть без контекста. Но я прочёл все дневники и привык к своеобразной манере дедушки выражаться. Это были его прямые мысли о том, что с ним реально произошло. И что это отличалось от того, к чему его готовили в роду.

Суть не в том, чтобы жечь сильнее, а в том, чтобы на миг перестать жечь совсем, когда этот пик будет достигнут. Схлопнуть всё в точку. Создать внутри себя вакуум, абсолютный холод, и уже из этой пустоты родить пламя иного порядка. Пламя дара не само преобразуется во что-то новое, а будто перерождается. Сердечником же он называл свой дар, как я свой — свечой. Что значит для свечи «схлопнуться в точку»? Не потухнуть, а... вобрать в себя всё пламя, весь свет, стать раскалённой точкой фитиля перед тем, как вспыхнуть с новой силой?

Звучало жутко. И до боли знакомо. Ведь я уже почти терял так дар, когда он чуть было не потух. Это случилось во время первого поединка с Марией. Интересно, а я, случайно, тогда не поднялся на первую звезду неопита? Ведь звучало довольно похоже. Тогда же я ощутил свой источник впервые, когда дед с первого дня пробуждения дара ощущал его.

Что ж, никто не пройдёт этот путь за меня. Я рождён в роду магов льда, у нас нет таких специфических знаний, потому Марии проще стать сильнее. Но в итоге сильнее стал я.

Надо бы попросить у отца доступ и сравнить с прорывом для мага стужи, вдруг будут состыковки? А ещё у деда был список нужных препаратов, он мне тоже пригодится.

* * *

Воскресный ужин был на удивление тихим, церемонным и вместе с тем невыносимо скучным. Стол ломился от ресторанных изысков, которые приготовил наш Егор с помощью Настасьи. Но аппетита прибавляло не это, а гнев мачехи. Она бросала на меня холодные взгляды весь ужин и явно злилась, что я ощущаю себя свободно. Что сижу с гордо поднятой головой, ем с удовольствием и не испытываю страха или стыда перед ней. И не стесняюсь смотреть на неё. Помнится, прежде она запрещала разглядывать себя, причём одевалась-то всегда вызывающе, подчёркивая свою женственность.

На самом деле меня душила атмосфера, царившая дома. Если бы мой дар не питался от чужого гнева, я бы и правда ощущал себя подавленным. Возможно, желание жить в общежитии было поспешным? Мария вот дома находилась и туда не заселилась, хотя койко-место ей выделили, ведь иногда занятия затягивались допоздна.

Тишину, нарушаемую только звоном приборов, первым разбил мелодичный, заботливо-тревожный голос Елизаветы.

— Алексей, милый, я всё не могу перестать волноваться, — начала она, откладывая вилку. Её глаза, полные холода, были прикованы ко мне. — Эти твои дуэли... С третьекурсником! Да ещё и не с одним, как я слышала. Это же безрассудство. Здоровье ведь может и пошатнуться, это не обычная драка. Так рисковать в магическом бое с артефактами...

Она сделала паузу, сокрушительно вздохнув и покачав головой. А взгляд украдкой метнулся к главе рода. Она явно давала возможность словам просочиться в сознание Платона, который методично и безразлично уничтожал порцию жаркого, уткнувшись взглядом в тарелку, будто там были написаны мировые тайны.

— И не только здоровье, — продолжила Елизавета, так и не дождавшись реакции мужа и слегка понизив голос, придавая ему оттенок конфиденциальности. — Репутация рода — вещь хрупкая. Особенно в такое время. Скоро перераспределение квот на госзаказы, нашему роду нельзя проявлять слабость. Поражение в публичном поединке... Это отметина не только на человеке, но и на фамилии. Платон, ты же понимаешь, о чём я?

Она бросила взволнованный взгляд на отца, пытаясь втянуть его в свою игру. Но Платон Борисович лишь поднял глаза от тарелки, медленно прожевал, кивнул неопределённо и снова углубился в изучение кулинарного шедевра. Банальное «да, дорогая». Не более. На его каменном, отрешённом лице не дрогнул ни один мускул.

Я сдержал улыбку. Просто отец знает мой реальный ранг, как и то, что я прошёл летом жёсткий курс бойца Разлома. Ему попросту не о чем волноваться, вот и молчит, отгородившись от жениных интриг стеной из жаркого и собственного спокойствия.

Мачеха, не получив поддержки, плавно перевела фокус.

— Мария, дорогая, ты же тоже переживаешь за братца? В академии ходят разговоры... Наверное, тебе неловко от всех этих пересудов?

Сестра, сидевшая напротив меня, вздрогнула, будто её укололи булавкой. Она замерла, так и не насадив кусочек мяса на вилку, не поднимая глаз. Я видел, как её пальцы сжали ручку прибора до белизны.

Ей отчаянно хотелось, чтобы я проиграл. Но где-то в глубине, сквозь наносную ненависть, пробивался холодный рассудок: она видела, как я изменился. И её победил, и Рожинова. И на десятках других дуэлей. Проигрыш для неё уже не так очевиден, как для матери.

— А? Что? Прости, мама, я задумалась. Очень вкусное жаркое, — выдавила она наконец, избегая взгляда и матери, и моего.

На прекрасном лице Елизаветы мелькнуло мгновенное разочарование, сменившееся ледяной, осуждающей вежливостью. Её дочь подвела, не стала союзником. Она снова осталась одна на поле боя, который сама же и развязала.

Мне стало почти жаль её. Почти.

Я отпил воды, поставил бокал со звонким стуком, который заставил всех на секунду встрепетаться.

— Дорогая Елизавета Андреевна, — начал я, и мой голос прозвучал слишком громко в этой натянутой тишине. — Искренне тронут вашей заботой. Но не стоит так тревожиться. Со здоровьем у меня всё в полном порядке, и, уверяю вас, так и останется. Что же касается чести рода Стужевых... — я позволил себе лёгкую, уверенную улыбку, которая, как я знал, раздражала её больше прямых слов. — Я считаю своим долгом её приумножить, а не запятнать. Беспокойство ваше хотя и мило, но совершенно излишне. Я знаю, что делаю.

Она замерла. Её глаза, такие тёплые мгновение назад, стали острыми и холодными, как осколки льда. В них читалось чистейшее раздражение от того, что её тонкие намёки разбились о каменную стену моей уверенности. Что отец проигнорировал её выпад, а дочь струсила. Что её попытка исподволь очернить меня, выставить безрассудным юнцом, потерпела крах. А гнев её лился в меня ровным тёплым потоком, затмевая Марию.

— Ну, раз ты так уверен... — произнесла она, и в её голосе впервые за вечер появилась тонкая металлическая нотка. — Конечно, мы все будем за тебя болеть.

«Конечно, — мысленно повторил я, вставая из-за стола. — Будете. Каждый по-своему».

Я попрощался, кивнув отцу, который, наконец, оторвался от еды и ответил мне коротким, но поддерживающим взглядом. В нём не было ни тревоги, ни одобрения, а лишь знание. Этого для меня более чем достаточно.

Выходя в прихожую, я слышал за своей спиной звенящую тишину и тихую просьбу к Петру есть аккуратнее. Катя, как всегда, существовала в своем мире и не замечала подводных течений за столом. Её волновал лишь её сын. У меня всё больше складывалось ощущение, что она в этом доме — предмет мебели, а не живой человек.

Дорога до общежития обещала быть приятной от распирающей меня энергии. Прохладный вечерний воздух был куда слаще любого десерта с того стола, который хотелось кинуть в лицо этой курицы Лизки. Возомнила из себя невесть что, хозяйкой дома и положения. Разумеется, она будет ещё неоднократно пытаться очернить меня в глазах отца, чтобы выдвинуть на первый план своего сына. Но на что она надеется? Ему ещё шесть лет до пробуждения дара.

Вася уже дожидался меня у главных ворот и помахал рукой с улыбкой на лице. Он, кстати, стал в последнее время более раскованным. Видимо, зря я боялся, что новая обстановка тяжелее отразится на нём. Ещё ведь и разлука с любимой бабушкой. Но, к моей радости, то были пустые опасения.

* * *

После фехтования и душа я направился в академический корпус, спеша на очередное занятие. Мы с Васей заселились вместе, как было в Тамбове, но сегодня он ушёл раньше.

Мысли мои витали вокруг завтрашней практики по стабилизации многослойных барьеров — тема капризная, требующая идеальной концентрации.

Впереди было нечто вроде ниши сбоку, там располагались скамьи. По моим наблюдениям, там любили собираться девушки большими компаниями на переменах. Вот и сейчас я услышал голоса до того, как поравнялся с ними и смог увидеть сплетниц.

До моих ушей донёсся громкий шёпот, в котором явственно прозвучало: «...Стужева». Я замер, прислушиваясь. Если поливают мою фамилию грязью, это повод для вызова на дуэль, либо требования компенсации. Рубль копейку бережёт, как говорится.

Три девушки третьекурсницы активно что-то обсуждали, даже не услышав мои шаги. Одна, с взволнованно блестящими глазами, тараторила, чуть ли не на ухо подружкам, но достаточно громко, чтобы я также мог слышать каждое слово:

— ...клянусь, она сама мне говорила! Видела своими глазами! Сегодня утром, в старом крыле, у библиотеки. Виктор и Мария, которая именно Стужева, наша, баронесса! С кафедры стихии льда. Целовались. Взаимно, представляешь?

Две другие фыркали, не веря.

— Да брось, Анечка, — сказала брюнетка с едким смешком. — Хомутов? Со Стужевой? Он её, кажется, еще год назад бросил. Он же меняет девушек, как перчатки. С самого первого курса. И никогда не возвращается. Наши все уже его знают, только наивные младшие могут ему верить. И чтобы он внезапно с одной из бывших снова замутил? Не верю!

— Может, она сама напросилась? — язвительно добавила третья. — Все же знают, как она за ним по пятам ходила, в рот заглядывала, как он красиво ей пел глупости. Бедная баронесса, совсем опозорилась тогда. Зачем ему это снова?

Во мне что-то холодно щёлкнуло. Осознание смысла слов накрыло волной ледяной, тихой ярости. Не за честь семьи как таковой, я не уделял ей столько внимания, как привыкли в этом мире. Мне было обидно за Марию, за её глупость, за её вечное, жалкое падение в одну и ту же яму. Я просто видел очередную жертву — и это раздражало куда больше. Вот что у этих женщин в голове вообще?!

Я шагнул из-за угла, и моя тень упала на них. Девушки вздрогнули, как стайка испуганных воробьев. Та, что сплетничала — Анечка — увидела моё лицо и побледнела, сразу поняв, что я все слышал. Брюнетка, та, что говорила про «опозорилась», ахнула и встала со скамейки, отойдя чуть в сторону. Возможно, хотела сбежать, но в итоге решила не бросать подруг в беде.

— Кто, где, когда и с кем видел мою сестру? — холодно сказал я. — Мне нужно всё знать наверняка.

Девушки сориентировались через пару секунд, Анечка так же поднялась со скамьи, делая вид, что меня здесь нет.

— Пойдёмте, девочки, нам пора.

Я не стал тратить время на погоню. Моя рука, будто сама собой, схватила запястье «свидетельницы», Анечки. Хватка была железной, не оставляющей сомнений в намерениях.

— Правда? — мой голос сочился сарказмом. — Тогда лучше поскорее ответить на мои вопросы, чтобы точно никуда не опоздать.

— От... отпусти! — вырвалось у нее, в голосе прозвучал визгливый испуг. — Ты не имеешь права! Я тоже баронесса, Волынская! Я тебе не какая-то дворянка или простолюдинка, понял?

Мне даже смешно стало. О, ужас, баронесса! Как будто это меняет суть того, что она — сплетница с длинным языком. Тут титул значения не имеет, все мы, люди, одинаковы.

Она попыталась вырваться, но я лишь сильнее сжал ее руку. Не больно, но так, чтобы она поняла: пока я не получу ответа, никуда она не денется.

— Это моя сестра, — произнес я, глядя ей прямо в глаза. — Мне важно знать правду. Ты сама видела?

Ее напускная гордость дрогнула. Она метнула панический взгляд на подруг, но те отводили глаза, одна уже медленно пятилась к выходу из ниши. Баронесса осталась одна, по сути, никто из подружек не спешил ей на выручку.

Девушка нервно сглотнула, и ее плечи обмякли.

— Нет... не я, — прошептала она, наконец, опустив глаза. — Это... знакомая моей кузины видела. Но она клялась, что это правда! Честное слово!

Я выдохнул смешок.

— Конечно, правда. Как и то, что ты только что «сама видела» и «тебе сама говорила». Очень убедительно, баронесса Волынская.

Покачивая головой, я разжал пальцы. Она тут же отдернула руку, как от огня, и прижала ее к груди, на лице — смесь страха, унижения и зарождающегося гнева, который я так же ощутил.

— Как ты смеешь! — выдохнула она, но уже без прежней силы, голос дрожал.

Я не стал ничего отвечать. Просто развернулся и пошел прочь, оставив их в коридоре. Возмущения за спиной проглотил звонок на пару.

В моей голове стучало только одно: «Целовались. У библиотеки. Сегодня утром».

Значит, после всего, что произошло с Хомутовым, после всех его низких поступков и обмана, после всех запретов, она снова его простила и подпустила к себе.

Я стиснул зубы до хруста. Её инфантилизм был предсказуем и оттого раздражал вдвойне. Но он... Он что, всерьез решил, что его безнаказанность распространяется и на мою семью? После той истории? Либо его самоуверенность достигла точки кипения, либо он задумал какую-то грязную игру. Неважно. В любом случае, он совершил последнюю ошибку. Что ж, раз у него атрофировался инстинкт самосохранения, его придется стимулировать. Больно.

Перед взглядом встала наглая, самоуверенная рожа Виктора. Осталось два дня, и я сотру ухмылку с его лица. Покажу, что его уверенность, будто ему всё дозволено, не стоит и ломаного гроша. Вздумал, что может плевать на нашу семью, на нашу репутацию, на чувства моей сестры? Просто чтобы потешить свое уязвленное эго? Что не смог поиметь баронессу на спор? Вот ведь мелочный ублюдок, вцепился, как пиявка, и всё на что-то надеется!

Сплетни, скорее всего, правда. Или полуправда, слегка приукрашенная. Но дыма без огня... Да и зная Марию, я вполне мог поверить, что она могла его простить, ведь такое было уже однажды. Да и я заметил, как она изменилась, вернувшись под влияние матери. И опять всё по-старому.

Я вошёл в аудиторию, извинившись за опоздание. Преподаватель кивнул, и я занял своё место. Вася сразу же заметил моё состояние.

— Что случилось? — шепнул он, сведя брови и озабоченно смотря на меня.

Я отмахнулся от него — потом.

Нужно встретиться с Марией и поговорить. Она обязательно расколется под моим напором. Уверен, что достаточно хорошо её знаю для этого. Какая там у неё следующая пара?

Глава 4

На следующей же перемене, перед последней парой на сегодня, я поспешил к аудитории Марии. Сразу же после она, скорее всего, отправилась бы домой, а у меня было слишком много своих дел, чтобы бегать и искать ее.

Дверь в аудиторию оказалась открыта нараспашку. Внутри было шумно, ребята кучковались по своим группам общения, была таковая и у Марии. Она с улыбкой слушала, как её подруга что-то рассказывает. Я тут же направился к ней, ловя на себе косые взгляды.

Хомутов учился на факультете света. Там собиралось всё, что связано с освещением. Как например, те же иллюзии и тени. Вообще, каждый факультет не включал лишь чистых представителей своих стихий, здесь могли быть разные околостихийники. Как и наш род, который управлял стужей, если быть точным.

Но это ледяная магия и факультет льда. Потому Виктора здесь не было и быть не могло. Да и учился он на магистратуре уже, четвёртый курс.

Первой меня заметила подруга сестры и толкнула Марию в плечо. Та тут же изобразила пренебрежение.

— Выйдем, — мой голос прозвучал довольно властно, будто приказ. — Нам нужно поговорить.

Она сверлила меня ненавидящим взглядом, заодно заправляя энергией.

— Я занята. Поговорим позже, — попыталась она пренебрежительно отмахнуться от меня, как от назойливой мухи.

— Уверена, что хочешь, чтобы я говорил при всех? — усмехнулся я.

Этого ожидаемо хватило. Она видела мой взгляд и поняла, что мусор из избы точно не стоило выносить. Ну, хоть какая-то часть ума при ней осталась.

Мария надулась, будто капризный ребёнок, и что-то буркнула подружке. Затем, высоко держа голову, направилась к выходу, демонстративно не глядя на меня. Тоже мне, королева доморощенная.

Я шагнул назад, пропуская её, и двинулся следом, чувствуя на спине десятки любопытных взглядов.

Направляясь сюда, уже заметил, где есть возможность переговорить. Выбрал боковую лестницу. Здесь было шумно от шагов и голосов студентов, заполнивших коридоры на перемене. Эхо гулко разносилось под сводами, но в самой нише, за массивными каменными опорами, можно было говорить, не боясь быть услышанным, если опустить голос до шёпота. Наши слова тонули в общем гуле.

— Что тебе надо? — выпалила она, едва мы оказались в тупике. Её поза была агрессивной: скрещенные на груди руки, взгляд, упёршийся куда-то мимо моего плеча.

— Я всё знаю о Хомутове, — сказал я прямо, без предисловий. — О том, что было сегодня утром.

Она дрогнула, но тут же фыркнула.

— О чём ты? Я не понимаю.

Но её голос сдал. Он звучал неуверенно, фальшиво. И глаза метались, не находя точки, за которую можно было бы зацепиться. Да уж, при любом нажатии сестра не могла врать нормально. Уж что-что, а этот навык у неё был совершенно не развит.

— Всё лето ты с ним виделась, — не вопрос, а констатация факта. Мой голос был наполнен уверенностью в собственной правоте. — Вопреки прямому запрету отца. Так ведь?

Теперь она вспыхнула по-настоящему, одарив меня энергией.

— Это не твоё дело, Алексей! Моя личная жизнь тебя не касается! Или ты побежишь, как последняя крыса, докладывать папеньке? — Мария вложила в эти слова максимум презрения.

Она пыталась взять меня на понт, и это было так предсказуемо и жалко.

— Крыса здесь ты, Маша, — мой голос стал тише и от этого, кажется, только острее. — После всего, что этот ублюдок пытался сделать с тобой... Ты продолжаешь цепляться за него. Скажи честно, ты ещё девочка? Или уже отдалась своему графу?

Я специально вёл себя жёстко, и это сработало. С её лица слетела вся маска. Остались только стыд, унижение и ярость. Со сдавленным, почти животным рычанием она бросилась на меня, забыв о всяком приличии, замахнувшись для удара.

Но я был готов. Поймал её запястье на лету, развернул, ловко скрутил руки за спиной и прижал к себе, лишив движения. Мария вырывалась, сопя, но была слабее. Она или намеренно не использовала магию, все-таки чувствуя границы, либо, что более вероятно, была слишком взволнована для этого и растеряна.

— Конечно, — прошептал я ей почти на ухо, пока она тщетно пыталась вывернуться. — Ты ещё девочка. Иначе бы он уже потерял к тебе интерес и оттолкнул. Значит, дело не в тебе. Неужели он так зол на меня, что ты отошла для него на второй план? И всё, что он теперь готов делать — это мстить мне? Как, например, через это дуэльное приглашение?

Она замерла в моих руках. Её дыхание, прерывистое и частое, было мне ответом. Она не могла выговорить ни слова, потому что я попал прямо в яблочко. Я медленно разжал хватку и отпустил её.

Мария отпрыгнула, как ошпаренная, поправила скомканный пиджак, её глаза блестели от слёз злости и осознания того, что её прочитали как открытую книгу. Но попытку нападения уже не повторяла.

Я тихо рассмеялся. Сухо и без веселья.

— Угадал ведь?

— Ни... ничего подобного! — выдохнула она, но это была уже просто последняя, жалкая попытка сохранить лицо.

— Хотя бы себе не ври, сестрёнка, — сказал я уже почти устало. — И объясни мне тогда. Зачем? Зачем ты так липнешь к этому бабнику? Разве не ты с детства мечтала, что станешь главной наследницей рода Стужевых? Что будешь управлять именьями, заводами и делами? Разве не логичнее направить все силы, чтобы доказать отцу, что ты этого достойна? А ты, вместо этого... что делаешь? Идёшь наперекор его воле, позоришься с первым обратившим на тебя внимание графом с сомнительной репутацией. Зачем? В тщетной попытке выскочить замуж и сбежать из семьи?! И тебя даже не смущает, что будешь ты у него не первой женой, а второй? Или третьей? Куда делись твои амбиции во всём быть первой? Быть главной?

Каждое моё слово било прямо в цель. Она слушала, и её высоко поднятый подбородок постепенно опускался. Взгляд, полный ярости, сменился другим — растерянным, пристыженным. Сестра смотрела куда-то в каменную плитку под ногами, губы её дрожали. Она не нашла, что ответить, потому что нечего было отвечать.

Я выдержал паузу, давая ей проглотить эту горечь. Потом развернулся и пошёл прочь, оставив её одну под лестницей, в шуме чужих голосов и шагов, которые теперь звучали для неё, наверное, как насмешка.

В произошедшем не было победы. Я ощущал только тяжёлую, холодную усталость и уверенность в одном: дуэль с Хомутовым теперь была не просто развлечением или очередным вызовом. Этот ублюдок наверняка имеет на меня зуб после Козлова, куда приехал по делам рода. Иначе как бы он мог легально уехать так надолго в другую губернию? А вернулся ни с чем — по сути, с позором.

* * *

Интерлюдия

Личные покои Елизаветы Стужевой были её неприкосновенным королевством. Здесь пахло не домашним уютom, а дорогим французским парфюмом, воском для полировки красного дерева и сухим ароматом запертых в витринах фарфоровых безделушек. Зеркала в золочёных рамках отражали не лица, а статус. Даже мягкий свет хрустальных бра был выверен до градуса — льстивый, но не тёплый.

На софе цвета увядшей розы, обитой бархатом, сидела Мария, съёжившись, словно пытается стать меньше. Следы слёз высохли на её щеках, оставив лёгкую стянутость кожи, но глаза были снова на мокром месте. Она не рыдала — она хныкала, по-детски всхлипывая, глядя на мать, которая стояла у камина, оперевшись локтем о мраморную полку. Елизавета с ленивой медлительностью капала ароматическую жидкость в специальное приспособление, а потом защёлкнула крышку.

Она была воплощением невозмутимости в своём шёлковом пеньюаре с кружевами, которые стоили больше, чем годовой доход среднего простолюдина. Мать всегда казалась дочери возвышенным существом, мудрой и сильной правительницей. Она ловко манипулировала отцом, хоть и не всегда получалось сделать так, как ей хочется. Но всё равно, сама Мария боялась Платона Стужева. Она когда не видела в нём тепла и участия, лишь вызов и пренебрежение. Потому Елизавета была той самой связующей нитью или соломинкой, за которую Мария хваталась и которой доверяла больше, чем себе.

— ...И он сказал, что я... что я крыса, мама! — выдохнула Мария, снова чувствуя, как жгучий стыд подкатывает к горлу. — И спросил... Он спросил, отдалась ли я уже Виктору! Как он смеет?!

Елизавета медленно повернула голову. Её лицо, сохранившее красоту благодаря строгой дисциплине и недешёвым зельям, было спокойным, как поверхность лесного озера в безветрие. Лишь слегка приподнятый уголок губ обозначала лёгкое недовольство.

— Он смеет, потому что ты позволила ему застать себя врасплох, доченька, — её голос был мелодичным, но в нём не было ни капли сочувствия. Это был голос инструктора, констатирующего ошибку ученика. — И позволила тем глупым девчонкам болтать лишнее. Неосторожность.

Марии не составило труда узнать, что сдали её однокурсницы, ставшие свидетелями встречи с Хомутовым. Но ничего исправить уже было невозможно.

— Но он теперь всё знает! Он может рассказать отцу! — в голосе Марии зазвенела настоящая паника. Страх перед холодным молчанием Платона Стужева был сильнее любых криков.

Елизавета наконец оторвалась от камина и плавно, как кошка, подошла к софе. Села рядом с величественной уверенностью, будто ничего серьёзного не случилось. Мария инстинктивно прильнула к ней, ища утешения, как в детстве.

— Успокойся, дорогая, — Елизавета положила прохладную, ухоженную руку на её вздрагивающие плечи. — Пусть рассказывает. Твой отец, возможно, отчитает тебя. Лишит каких-нибудь карманных денег или поездки на курорт. Но выгонит ли он тебя из рода? Отречётся ли от тебя? — она тихо, беззвучно рассмеялась. — Нет. Ты его кровь, его законная дочь, хранительница родового дара. А его гнев, как и всё в нём, конечен и предсказуем.

Она взяла дочь за подбородок, заставив поднять заплаканное лицо. Её пальцы были нежны, но давление — твёрдым.

— А теперь слушай мать. Нужно немного потерпеть. Твой братец... Алексей... — она произнесла это имя, как будто пробуя на вкус что-то неприятное, — слишком много возомнил о себе после этих своих дуэльных авантюр. Вообразил, что может указывать, как жить другим. Это недоразумение. Лишь временное препятствие на дороге. Ничто не отменит факт, что он лишь по фамилии Стужев, а по факту к родовому дару не имеет никакого отношения.

Глаза Елизаветы, холодные и ясные, смотрели куда-то поверх головы дочери, в будущее, которое она уже для себя выстроила.

— Скоро твой отец поймёт, что бессмысленно надеяться на этого... бракованного ребёнка от прошлой жизни. От ошибки юности. На того, кто играет в опасные игры с такими, как Хомутов, ставя под удар не только себя, но и репутацию семьи. Когда он проиграет — а он проиграет, — вся его мишурная уверенность рассыплется в прах. И Платону станет окончательно ясно, на ком зиждется будущее нашего дома.

Она отпустила подбородок дочери и принялась гладить её по голове, медленно, ритмично, как будто успокаивая дорогую, но нервную собачку. Мария закрыла глаза, поддаваясь гипнотическому ритму этого жеста. В словах матери была железная логика, которую её собственный испуганный ум так жаждал принять за истину.

— А что... что нужно делать? — прошептала Мария, уже меньше всхлипывая.

— Тебе? Ничего, — ответила Елизавета, и в её голосе прозвучала сладостная, отравленная уверенность. — Быть умницей. Не связываться больше с Виктором так открыто, если тебе дорог покой. Ты ведь умная девочка, у тебя получится. А об Алексее... я позабочусь. Маленькими шажками. Так, чтобы никто и не заметил, как скользкая ступенька под ногой оказывается чуть более скользкой, чем нужно. Просто немного подожди, моя девочка.

Она наклонилась и поцеловала дочь в лоб.

Мария, убаюканная этими словами и жестами, уткнулась лицом в плечо матери. Её страх не ушёл полностью, но он превратился во что-то пассивное. В ожидание, что кто-то сильный — мама — всё устроит. Что ей, Марии, остаётся лишь немного потерпеть.

Елизавета же, продолжая механически гладить дочь по волосам, смотрела в зеркало напротив. В нём отражалась женщина у власти в своём маленьком мирке. Алексей в этом отражении был лишь пятном, которое предстояло стереть с безупречного полотна её планов. И она улыбалась своему отражению — тонкой, безрадостной улыбкой стратега, который только что отдал тихий, никому неслышимый приказ к началу осады.

* * *

Колёса отбивали чёткий, убаюкивающий ритм по стыкам рельсов. Мы с Васей устроились в двухместном купе обычного вагона — никаких личных апартаментов для господина и слуги, как того требовал официальный протокол. Сейчас мы были просто двумя студентами, едущими на выходными в другой город. Сквозь слегка дрожащее стекло мелькали бесконечные поля и перелески Тульской губернии, окрашенные в мягкие, пасмурные тона поздней осени.

Вася, развалившись на нижней полке напротив, с довольным и мечтательным видом смотрел в окно. От него буквально исходили волны безмятежного счастья.

— Три недели... Целых три недели бабушка меня не видела! — он обернулся ко мне, и его лицо светилось детской улыбкой. — Уверен, она уже напекла своих пирогов с вишней и капустой! Половину Козлова накормить можно будет. Ты бы слышал её голос, когда я ей позвонил...

Я кивнул, отвлекаясь от созерцания мелькающего за окном пейзажа. Мои мысли тоже уже были там, в Тамбове, а не за домашним столом козловского поместья. Всплывали контуры ринга, расчёты тактики, образы возможных соперников. Конечно, против дара им не попереть, но это не значит, что победа дастся мне легко.

— Рад за тебя. Наслаждайся.

— Слушай, я правда извиняюсь, что не приду на выступление, — Вася сменил тон на более серьёзный и уселся с прямой спиной. Хотя виноватым он был лишь формально. — Но бабушка ждёт, а «Демон» и без меня справится. Ты же звезда шоу. Да я и так знаю, что всех одолеешь. После практики с Яровым ты стал куда сильнее. Между нами снова выросла пропасть в силе.

— Не извиняйся, — я отмахнулся. — Мне как раз спокойнее, когда ты с бабушкой. Значит, хотя бы один из нас проведёт время с пользой для души, а не для кошелька и репутации.

Он фыркнул, но не стал спорить. Я потянулся к своей спортивной сумке, стоявшей на полу, и достал оттуда плоский футляр из тёмного, мягкого материала. Расстегнул застёжку. Внутри, на чёрном бархате, лежала маска.

Я взял её в руки. На ощупь материал был неожиданно тёплым и податливым, почти как очень плотная, живая кожа. Она была кроваво-красного цвета, с двумя изящными, не бросающимися в глаза изогнутыми рожками на линии лба. Но главным был оскал. Не грубая резиновая гримаса, а точёная, почти изящная зубастая улыбка, застывшая в вечной, холодной насмешливой ухмылке. Глазницы были большими, позволяя сохранять периферийное зрение.

— Вот это да, — присвистнул Вася, придвинувшись поближе. — Артефактная?

— Сделали на заказ в одной мастерской в Москве, — сказал я, проводя пальцем по гладкой поверхности. Материал тут же чуть изменил оттенок под прикосновением, словно реагируя на тепло. — Особый полимер с вплетёнными нитями магопроводящего материала и нанесёнными рунами. По сути — высокотехнологичный респиратор с функцией маскировки голоса и частью защитного контура.

— И сколько же эта красота стоит? — поинтересовался Вася, не в силах отвести взгляд.

— Достаточно, чтобы меня чуть не придушила жаба, — засмеялся я. — Но оно того стоит. Спокойствие дороже. В Тамбове меня мало кто знает в лицо, но сейчас запись будет распространяться. Как сказал Водянов, в рекламных целях. А «Демон» должен оставаться загадкой. Это его главный козырь.

Я примерил маску, поднося её к лицу. Полимер мгновенно ожил, мягко обтянул кожу, прилип по контуру без малейшего зазора. Не было ни давления, ни дискомфорта — лишь лёгкая прохлада и ощущение второй кожи. Дышалось действительно легко, воздух фильтровался, становясь чуть прохладнее, избавив меня от запахов вагона — металла и дешёвого дерматина. Мир снаружи не изменился, но внутри создавался свой, отстранённый микроклимат. Но главное, что я видел окружение чётко, и ничего не мешалось.

Вася оценивающе смотрел на меня и одобрительно кивнул.

— Жутковато. Но стильно. Сразу видно — дорогая штука. Будешь всех пугать на ринге одним только видом. У тебя, кстати, цвет глаз изменился на тёмно-красный.

Я снял маску, и она с лёгким шелестящим звуком вернулась к своей первоначальной форме. Убрал обратно в футляр, как драгоценность.

— Надеюсь, что не только видом, — тихо сказал я.

Поезд нёсся вперёд, я же снова погрузился в себя и своё недалёкое будущее. Это первый раз, когда буду принимать участие в турнире. Водянов целое шоу устроил ради этого, влил много средств в рекламу. Я обязан победить, тем более, что о самых опасных противниках информацию мне уже слили. Но расслабляться всё равно не собирался, ведь оценку бойцов никто не проводил, и там вполне мог оказаться кто-то выше меня рангом, чтобы срубить лёгких денег.

Глава 5

Возвращаясь в Тамбовскую губернию, я испытывал небывалый подъём. Моё поместье, которое стало мне родным. Приятно приезжать туда, где тебя рады видеть.

Вечером к воротам моего дома в Козлове припарковалась чёрная машина, куда я сел, готовый к свершениям. В Тамбов доехал быстро и с комфортом.

В этот раз меня провели сразу в закулисы клуба, в вип-комнату. Здесь меня встретил сам Макс с распростёртыми объятиями. Мы тепло поздоровались, будто старые добрые друзья.

Как обычно, он щеголял в дорогом респектабельном костюме, чтобы любой, встретивший его здесь, понимал — перед ним барон и хозяин этого места.

Сейчас, когда он занял пост главы своего рода, вместе с этим получил свой процент акций тамбовского клуба, так что фактически его можно было назвать владельцем. В его руках и до этого была сосредоточена огромная власть, сейчас же её стало ещё больше.

В помещении находился огромный экран, где мы могли наблюдать за проходящими боями. До этого целый месяц в каждой из пяти стихий выбирался лидер, который и должен будет сразиться со мной. Самый удобный формат, так как у простолюдинов крайне редко просыпались какие-то необычные таланты, а огонь, вода, лёд, земля и электричество были самыми понятными и эффективными. И эффективными. Те же друиды или световики слабо подходили для боёв, это вам не аристократы со своими дарами. А воздух не зрелищен, как и нейтральная магия, потому их не было в чистой категории.

Пять стихий, пять претендентов. Он все по очереди дрались друг с другом, чтобы определить, кто первым сразится со мной. У каждого прошло четыре боя до меня. Сначала против меня выйдет сильнейший. Это та самая схватка, которой и ждали большинство зрителей. Пятый же мой бой состоится со слабейшим, чисто символически. Всё просто.

Трибуны были забиты до отказа, а ещё велась платная трансляция. Мне казалось, что я видел в глазах Макса крутящийся денежный счётчик.

Нельзя сказать, чтобы бои были нечестными. Как я знал о силе противников, так и они о моей. Те же записи боёв видели все. По контракту мне также нельзя было использовать новые техники, но я и не горел желанием. Ведь тогда это показало, что мой уровень гораздо выше. Да и специфичность выступала как отпечаток профиля, могли узнать личность в будущем.

Артефакты я тоже не собирался применять, хоть это и не контролировали жёстко и теоретически можно было их пронести. Тут стоило иметь в виду, что бойцы столько денег банально не имели, а внезапный резкий скачок силы все заметят, и это похоронит карьеру — прецеденты случались. Так что артефакты были, скорее, тайными козырями, которыми грамотно пользовались организаторы.

Когда пришло моё время выступать, я уже знал, какой тактики придерживаться с каждым противником. И желательно, чтобы это было максимально зрелищно, ведь мы здесь все за этим собрались.

Ребята выкладывались на полную, доставив мне немало удовольствия от поединков и халявной энергии. Маска сидела как влитая и совершенно не ощущалась. Я протестировал её в спарринге с Василием заранее. Говорить в ней я так же мог свободно, подначивая противников. Потому потраченных средств было мне не жаль — хорошая инвестиция.

И всё же, академия давала невообразимо много. Это я понял, занимаясь по разломной программе с Димой — он единственный выдержал всё. Кроме меня, разумеется. И то, исключительно из-за силы воли, такого парня просто так не сломить. Да и не просто — тоже.

Дима отучился пять лет, но по навыкам я, на тот момент первокурсник, был равен ему, а по использованию магии — выше. Я видел простолюдинов в академии — они тоже были слабы, но всё равно и им учеба в академии давала больше. Даже с учётом того, что преподаватели

по большей части их игнорировали. Тем не менее, находились те, кто помогал, плюс доступ к закрытым книгам. Да я и сам на занятиях мог давать советы, особенно тем, кто хотел их слышать.

Так и здесь, казалось бы, взрослые мужчины и маги, меркли перед моей силой. Их учила улица, меня — профессиональные тренеры. И да, дар. Одарённые всегда крепче талантливых. Чем больше источник, тем больше маны, тем сильнее она укрепляла тело при медитациях. А у меня, по сути, энергия бурлила почти всегда из-за того, что рядом постоянно кто-то злился. Так что ничего удивительного, что мои физические навыки росли как на дрожжах. Но это я понял гораздо позже.

Деньги за выступление я частично получил налом, частично — переводом на банковский счёт за «консультационные услуги» от фонда Водянова.

Выспался утром, отзанимался и снова поехал в Тамбов — улаживать свои дела. Встречу с Ксенией совместил с покупками в лавке её бабушки тех самых ингредиентов, которые мне были нужны.

Мы провели три часа, болтая без умолку. При этом для меня время пролетело слишком уж быстро. И расставаться с девушкой было очень тяжело, я будто кусок от самого себя отрывал. Это и есть любовь? Даже не знаю. Хотя, Васю я ведь даже не позвал на нашу встречу. Хотя, для этого была и объективная причина. Бабушка его так перенервничала при встрече, что пришлось вызывать скорую. Потому я не стал беречь ему раны и отрывать от единственной родственницы.

Обратный путь мы провели в молчании. Васе было тяжело вновь оставлять родного человека одного. Я же был погружён в раздумья о методике деда. Ведь нужные зелья находились в сумке, и в ближайший понедельник я собирался их использовать по назначению.

Инверсия, смерть стихии для её перерождения. Звучало опасно, но я такое уже переживал. Всё должно пройти как надо, у меня была непередаваемая уверенность в своих силах. Возможно, просто сработала интуиция. Важная черта мага — умение прислушиваться к своему состоянию.

* * *

Я сидел в центре зала, скрестив ноги, спина прямая, ладони лежали на коленях. Вокруг — пустая тишина, нарушаемая лишь собственным сердцебиением и отдалённым гулом энергетических матриц академии где-то в толще стен.

Медитация не задалась. Спокойствие, которого я добился, было хрупким, как тонкий лёд над бурлящей водой. Под ним клокотало нетерпение, азарт и та самая холодная ярость, на которую я делал ставку. К сожалению, никак не удавалось сосредоточиться и привести мысли в порядок. Ведь я волновался, так как в первый раз пытался осознанно и целенаправленно повысить свой уровень. До этого всё происходило случайно, не касаясь моей воли. Но я должен был закончить всё здесь и сейчас.

Передо мной на каменном полу стояли склянки с тремя типами веществ, последнего — два экземпляра. Когда мне, наконец, удалось привести свои чувства в порядок, я взял первую, с жидкостью оранжевого цвета, словно сок грейпфрута. Зелье подготовки, узкоспециализированный катализатор. Оно обожгло горло, а через секунды тепло разлилось из желудка, как небольшая, но яркая звезда в самой глубине существа. Оно не добавляло силы, а лишь делало проводящие каналы восприимчивыми для магов огня.

Это не то, что требовалось для боя. Специальное вещество для медитаций и прорыва, оно изначально продавалось в нужной мне форме. И я действительно быстро разжёг своё солнце в груди, а тепло пульсирующей энергии растекалось до кончиков пальцев, но я не давал ему выйти наружу.

Теперь же оставалось самое сложное. Я взял второй пузырьёк с изумрудной жидкостью. Горькая, вязущая, с послевкусием полыни и мха. Я выпил её медленно, чувствуя, как по пищеводу стекает холодная волна, насильно гасящая внутренний пожар. Сердцебиение замедлилось, дыхание выровнялось. Мой организм будто замер, но не уснул.

А вот этот рецепт я взял из дневника деда. Согласно его уверениям, дар нужно было именно погасить после разжигания. Такая своеобразная смерть. В лавке подтвердили, что смесь не будет опасной и подготовили её.

Я закрыл глаза. Внутренний взор обратился к груди, к средоточию личной силы, дара. Каждый называл это по своему, согласно ощущениям. У меня это изначально свеча, а потом мини-солнце, которое сейчас ярко горело.

И вот теперь мне следовало это солнце погасить, но не как обычно, с медленным затуханием, а задуть резко и окончательно. Разумеется, сделать это было не так просто, как часть себя оторвать или палец отрезать. Чувство самосохранения било тревожным набатом в виски. Дыхание участилось, сердце забилося чаще.

Так дело не пойдёт, медитативное состояние слетит, и дар сам по себе сдуется, придётся начинать заново. А препараты имеют токсичность при смешивании и взаимодействии с маной, лучше закончить с первого раза. Да и время не резиновое, с утра у меня занятия. Я предупредил старосту, что могу прогулять, но всё же не хотелось бы поступать подобным образом. Никто не должен был догадаться о моих экспериментах.

Я снова успокоился и принялся размышлять, как, собственно, задуть дар. Изначально надеялся, что получится своими силами сдуть солнце, а потом уже отправить его остатки в источник, как случилось при первом бое с Марией. Изначально не хотел так делать, вдруг переполнится энергией? Ведь тогда мой эксперимент будет обречён на провал. По крайней мере, что-то подобное говорил дед, хоть и в своих загадочных формулировках.

Что ж, выбора особого не оставалось. Значит, нужно принудительное истощение.

Восприятием я заглянул туда, где был мой источник, который в обычном состоянии, без гнева окружающих, энергию затягивал в себя. Сейчас же там было достаточно маны для поддержания дара из-за моей медитации. Она ощущалась разреженной, но когда переполнялась и густела, я начинал ощущать опьянение.

Я разомкнул ладони и, не открывая глаз, вытянул руки в стороны. Здесь не нужны были особые жесты, только воля. Выжал из горящего солнца всё, что мог, и выплеснул наружу. Самые затратные толстые стены огня. Не из полупрозрачного голографического пламени, а из жирного, напитанного маной.

Температура в помещении сразу же начала подниматься. Но я заранее установил регулировку — удобные помещения в академии. Который раз диву давался их технологичной навороченности. И ведь больше походило на обычные приборы, хотя в основе всё-таки была магия, взаимодействующая с обычным электричеством.

Мои резервы, и без того не особо большие, начали таять с катастрофической скоростью. Я ощущал это очень чётко благодаря оранжевому зелью и медитации.

И это работало.

Солнце в груди дрогнуло. Его яркость померкла. Оно начало сжиматься с неестественной скоростью, отчего меня пробрало неприятной дрожью. А когда дошло до огонька свечи — невидимая воронка начала всасывать ослабевшее пламя. Я прилагал усилие воли, чтобы не помешать этому процессу, хотя всё во мне вопило, что так нельзя. Но я прочёл много о теории прорывов и знал, что делал.

Жар отступал, сменяясь ледящей пустотой. Вот оно почти погасло... Осталась лишь одна-единственная искра, тлеющая в крошечной тьме внутреннего пространства.

Это было жутко на самом деле. Меня охватила паника, что лишусь своего дара навсегда, и никакой глас разума, что подобное уже случилось, не мог мне помочь. Только сила воли продолжать начатое.

И вот источник затянул остатки. Осталось лишь та самая искра, которая уже начала поддаваться, я еле ощущал её.

Дыхание перехватило. Я был пуст, как выпотрошенная рыба. Каждая клетка вопила об истощении и боли. Руки трепыхались мелкой, неконтролируемой дрожью. Мне было плохо, даже затошнило. Я будто разом лишился всего самого дорогого, что у меня было. Это даже не сердечный приступ — в груди будто зияла дыра и сердце вырвали на живую.

Медленно, движением, на которое ушли последние силы воли, я потянулся к склянкам с третьим веществом, их две одинаковых осталось. «Эликсир восполнения маны», густой и сладковатый, тёмный, как вишнёвый сок. Выпил залпом. Тёплая волна разлилась по телу, обещающая наполнить сосуды...

Но ничего не произошло. Вернее, энергия была, я чувствовал её прилив где-то на периферии, но она так же утекала в источник, а вовсе не в дар. Дар, которого не было. Вместо которого зияла надрывная, распотрошенная рана.

Я вновь усилием воли отодвинул страх. Это роскошь, мне нельзя отвлекаться, несмотря ни на что. Требовалось остановить всё это, так что я нырнул сознанием, чувством, как можно ближе, чтобы перекрыть кран утекающей не туда, куда надо маны.

С трудом, но удалось. Как и создать гигантский шар защиты вокруг рваной дыры. Это было сложнее, чем раньше. Ещё я задыхался, так как дышать было сложно, лишь малыми рывками и очень часто. Этого едва хватало.

Так, утечка устранена. Теперь вся мана направилась туда, где должен быть дар. Вот только мана игнорировала это место, будто её что-то отталкивало. Этого мне ещё не хватало! Как впихнуть невпихуемое? Ещё и эфемерное?

Вновь своим восприятием я отделился от крана рядом с источником и направился к дару, чтобы попытаться аккуратно ощупать его. Но и меня тоже отталкивало. Опять усилия, хотя, казалось бы, воля давно должна закончиться.

Продвигаться было тяжело, как против сильного течения. Но выбора у меня не было, потому я давил и давил. Пока не продвинулся достаточно, чтобы наткнуться на... ледяные шипы. Они оцетинились, приняв неправильную форму, будто клыки злого животного.

А ещё их было больно касаться. Хотя, казалось бы, куда ещё, ведь и так каждая клетка тела кричала о проблеме истощения. Ледышки сами реагировали, будто мои нервы, восприятие дичайшей болью кололо голову. Будто иглы вгоняли прямо в мозг. Но надо было терпеть.

Стоп. Дыши. Анализируй.

Я заставил себя отстраниться от боли, наблюдать. Шипы... Они были не чужеродными. Их структура, их леденящая суть... Они действительно будто мои нервы, то есть, на самом деле принадлежат мне, а не являются чем-то инородным.

Меня осенило. А что, если... Если это была стужа? Моя собственная, родовая стужа. Та, которую я обязан был унаследовать, но не смог, а вместо этого появилось нечто иное, противоположное — огонь. Что, если это осколки, шлаки, не оплавленные остатки, которые теперь, при попытке вселить в себя новый принцип, восстали, как защитный механизм? Они ощутили свободу от доминирующего огня и раскрылись?

Ну уж нет, начинать с начала и менять дар я не собирался. Да и что за дар? Наверняка ведь татуировки должны были меня покалечить, из-за них я стал таким. Недаром в них ошибка на ошибке. Но я чудом взрастил дар огня. Я — Алексей, Серёжа. Мы уже были единым целом. У меня мать из около огненного рода, а ещё мой дед был огненным магом. Так что крохи дара огня выросли в большее, а стужа наоборот, загнулась, но не погибла, как только что выяснилось. И что мне только теперь с эти делать?

Я не мог их сломать, эти ледяные зубцы — они были частью меня, моими нервами. Решение виделось лишь одно — растопить.

Но как растопить лёд, когда всё внутреннее пламя — это практически потухшая искра? Которую я сам и затушил? И она в центре, за этими самыми шипами.

Вместо того, чтобы давить, я попытался протянуть тонкие нити маны к ней. Тянулся к своей искре, такой знакомой, такой родной.

Это было сложно, а я и так устал. Без понятия, на каких волевых уже в принципе держался. Казалось, я тут уже целую вечность нахожусь, а мир за стенами комнаты успел составиться и разрушиться. И ужасно хотелось спать. Всё моё сознание сосредоточилось на этой тонкой манипуляции – как по минному полю протиснуться между шипами к искре. Мёртвой, чёрной, но пока ещё слабо ощущающейся.

При каждом случайном прикосновении тело пронзала боль по нервам, в то же время иглы боли глубже проникали в мозг. Я затаивался и продолжал снова. Целую вечность я шёл к искре. И даже не поверил, когда достиг её.

Но искра моргнула. И... очень, очень медленно, но стала греть. Будто феникс, возрождаясь из пепла. Тупая боль изнутри при этом разбирала меня на части. Это стуже было больно, тем самым кускам льда! Но я и сейчас не решился бы их вырвать, потому что в таком случае умру. Не знаю, почему, но я был уверен в этом. Потому я попытался ласково согреть эти грязные ледяные шипы.

Боль накатывала волнами, но не так, как от касания маной. Терпимо.

И снова вечность. Но, что примечательно, зубья таяли, превращаясь не в воду, а сразу в пар, который всасывался моим даром. И чем меньше было осколков, тем легче мне становилось.

Искра уже стала свечой, она моргала, готовая погаснуть под тяжестью поглощаемого ею холода. Я сжимал волю в кулак, держался из последних сил, не давая концентрации ослабеть.

И вдруг понял, что шипы закончились. А пламя дрогнуло и стало шире. Уже не свечная капля, а костёр. Ещё не солнце. Но всё равно, я испытал огромное облегчение. Непередаваемую лёгкость, будто на гору взобрался после многочасового карабка.

Следовало выпить ещё одно зелье маны, использовать медитацию и зажечь солнце. Но я уже был не в состоянии. Казалось, моя воля окончательно истощилась. А вместе с ней и весь мир. Я просто уснул.

Глава 6

Просыпаться совершенно не хотелось. Сознание возвращалось волнами. Непонятно было, сон ли это, явь ли — что я лежу в неестественной позе на полу в магической тренировочной.

Похоже, как я сидел, так и упал, вперёд и чуть вбок. Лежал в ужасно неудобной позе: колено согнутой ноги давило в живот, правая рука, которая при падении оказалась подо мной, была изогнута в кисти и пульсировала болью. Хотя, сейчас тупая боль ощущалась вообще по всему телу.

Стоило мне только попытаться двинуться, как я заорал. Точнее, вскрикнул и начал тяжело дышать, стиснув зубы и изредка постанывая. Потому что осознал — действительно настоящая боль случилась именно сейчас.

Казалось, весь скелет хрустел и скрипел, как несмазанные дверные петли в заброшенном доме. А в каждую клетку будто засыпали песок, который царапался, стирая все вокруг себя в кровь.

Я отдышался, заставив себя сесть, вытянув ноги вперёд. Словно немощный старик, пытающийся собрать измученные ревматизмом кости в кучу — от такой мысли хотелось одновременно и смеяться, и плакать. Но плакать, признаюсь, всё же больше. Пришлось приложить волевое усилие, чтобы не упасть на спину и снова не уснуть.

Кряхтя, я повернул голову и посмотрел на зелёные цифры электронных часов: 15:07. Те находились под потолком, показывая, как обычно, еще и влажность, и температуру... Хм, кстати, всего семнадцать градусов, но я вроде не замёрз...

Три часа дня. Следующего после моего эксперимента дня, судя по дате. И сколько же я проспал, интересно? Знать бы ещё, когда точно потерял сознание. В любом случае, все пары однозначно про... пущены. Сейчас вроде как должна идти последняя.

Вот и узнаю, каков староста. На первый взгляд показался нормальным парнем. Вообще, за прогулы в академии не наказывали, вроде как важны именно знания. Но и не поощряли пропуски. Надеюсь, староста меня всё же отмажет.

Вспоминать вчерашнее было страшно. Ту пустоту, боль от ледяных шипов, отчаянную борьбу за одну-единственную искру. Но вместе со страхом пришло и другое чувство — глубокое удовлетворение. Потому что получилось — я это чувствовал. Солнце не зажгёт, но и не умер. Стужа сдалась, отступила. Дар... Он изменился. Я это ощущал даже сейчас, сквозь боль. Он был тихим, едва тлеющим, но другим. Не чужим, нет, но будто иным. Как долгожданное обновление привычной компьютерной проги.

Несмотря на боль, надо было встать и хоть немного размяться. Потом уже всё остальное.

С кряхтением и матерными словами, которые мысленно адресовал каждому своему мускулу, я поднялся на ноги. Покачиваясь, как пьяный, сделал несколько простейших разминочных движений — наклоны, вращения плечами. Суставы отзывались ворчливым скрипом и прострелами, но постепенно, хоть и очень медленно, тело начинало оживать. Боль пока не уходила, она просто отступила на второй план, становясь фоном, с которым можно было существовать.

После этой короткой и довольно щадящей зарядки голова начала чуть лучше работать. Да и вроде как считалось, что перед применением магии всегда следует размять тело. Не зря же я каждое утро так и делал, как и большинство других магов. Кто уже работал и понимал всё, разумеется. Потому что сейчас у меня была не просто мышечная усталость от тренировки, а истощение на клеточном уровне. Магическое похмелье, помноженное на физическую цену за ту адскую гимнастику, которую я устроил со своими источником и даром.

Потом я подумал про одежду. Вчера, перед тем, как начать эксперимент, я переоделся в обычный тренировочный комплект, который было не жалко. И сложил свою прочную одежду в выдвижной ящик в полу, специально предназначенный для хранения личных вещей во время длительных сеансов тренировок.

И не зря. От кофты остались лохмотья. Ткань была не просто порвана в нескольких местах — она выглядела так, будто её изрешетили из дробовика, а потом местами прижгли паяльной лампой. На штанах тоже зияли дыры, края которых были оплавлены, превращены в чёрные, хрупкие корки.

Я долго смотрел на это безобразие, пытаюсь понять, как это вышло. Потом до меня дошло. Вчера, в тот момент, когда я выплёскивал наружу магию для истощения, создавая «жирные» стены пламени... Контроль тогда был не абсолютным. Часть энергии, дикая, не поддающаяся сдерживанию, должна была прорваться сквозь моё физическое тело. Не наружу в виде заклинания, а внутрь, в материю, которая была ближе всего — в одежду.

Внешние проявления я так хорошо контролировал, что не заметил, как изнутри меня самого рвётся пламя, от которого плавится ткань. Но было и что-то ещё — сырая мана. Она разрушала саму структуру ткани, превращая ту в тряпье.

Так что да, хорошо, что переоделся. Эти вещи не жалко — выкинул и забыл.

Подошёл к стене, наклонился и нажал на почти незаметную панель. Ящик с лёгким шипением выдвинулся. Там лежала чистая качественная одежда — тренировочный костюм из плотной, дорогой ткани. Моя прелесть. Целёхонький. Ну, и нижнее бельё тоже. Хоть я и ощущал себя сейчас грязным, липким, но душ и прочие радости будут после.

Я быстро переоделся, сгрёб тряпье в охапку. Хотел было сжечь даром, но вовремя остановил себя. Рано. Так что вещи отправил в сумку.

Перед уходом проверил комнату. Никаких видимых повреждений на стенах, полу и потолке не было. Системы вентиляции и терморегуляции справились, хвала академическим инженерам. Пакет с пустыми склянками я оставил, как и одну полную, вторую с мановосстановлением, которую не стал трогать вчера. Убрал всё это её в сумку, пригодится ещё. А пустые надо лично утилизировать.

Ничто не намекало на вчерашний прорыв. Если только кто-то не считает данные из системы. Но нас уверяли, что такое достают только после специального запроса.

Последний шаг, пока все на парах — доковылять до общаги. А то скоро сюда может повалить народ.

Я вышел в пустой, прохладный коридор и направился к посту вахтёра, расположенному за бронированным стеклом в дальнем конце. Там сидел тот же мужчина, что и вчера вечером, — суровый, безучастный, с лицом, будто высеченным из гранита. Наши взгляды встретились.

Молча я положил ключ-карту в узкий лоток под стеклом. Он так же молча взял её, провёл по считывателю, взглянул на монитор. Ни слова о том, почему я выхожу только сейчас. Ни комментария по поводу моего вида, который, я уверен, был далёк от свежести. Наверняка лицо бледное, синяки под глазами.

Такое отсутствие излишнего любопытства объяснялось просто: вчера, когда я брал ключ на сутки, передал ему в тот же лоток свёрток с деньгами. Не взятку, а «благодарность за неудобства и возможные проверки». Он взял. Его каменное лицо тогда дрогнуло ровно настолько, чтобы я понял — договор заключён. Такая практика была в тамбовской академии. Ожидаемо присутствовала и здесь.

Вот потому он сейчас только кивнул, коротко и деловито, и положил ключ в ящик. Всё. Я развернулся и пошёл прочь, спиной чувствуя, как его безучастный взгляд провожает меня.

Первое дело сделано. Дальше надо попытаться не волочить ноги и не шаркать, как старый дед, чтобы не привлекать внимания.

На улице было тепло — бабье лето. Пока я доковылял до общежития по извилистым тропинкам академического парка, знатно пропотел. Потому что нагрузка ощущалась большая, будто марафон бежал, а не плёлся еле-еле.

Мысли текли вяло, упираясь в одно и то же: «Получилось. Дорого. Больно. Но получилось». И где-то глубоко, под слоями усталости и боли, теплилось то самое новое чувство — не сила, а скорее... потенциал. Многострадальная пустота, из которой назло всем недоброжелателям теперь выросло нечто большее, более прочное, чем случайно проклюнувшееся пламя.

Но для проверки достигнутого результата нужно было сначала добраться до своей комнаты. Упасть на кровать. И, возможно, снова проспать несколько часов. Всё остальное — позже. Дар следовало проверять аккуратно, на свежую голову, могли ведь появиться и ошибки. Я всё делал впервые, перестраховаться стоило, как и не гнать паровоз раньше срока.

* * *

Когда я открыл глаза, было уже десять вечера. И первое, что я ощутил, была не боль, а глубокая, но лёгкая усталость. Такое чувство, будто банально недоспал. Но это уже гораздо лучшее состояние, с ним хотя бы можно жить. Двигаться было лень, но уже не так мучительно.

— Ты как? Живой? — со стороны донёсся встревоженный шёпот Васи. — Как всё прошло? Нормально?

Я приподнялся на локтях и повернул к нему голову. Вася сидел за своим столом со включенной настольной лампой и что-то переписывал из учебника в тетрадь. Я посмотрел на него, щурясь от света, заодно собираясь с мыслями.

— Живой, — хрипло ответил, садясь на кровати. Голова слегка кружилась. — Не сейчас, Вась. Всё расскажу потом.

Он хмыкнул, но не стал допытываться. Я, кряхтя, собрал вещи и поплёлся в душевую. Струи прохладной воды смыли липкий пот и освежили тело. Когда я вернулся, уже чистый и в сухом белье, усталость отступила, сменившись лёгкой бодростью. Заодно и голова прояснилась.

Живот заурчал, оповещая, что закинутое в организм на скорую руку после возвращения давно переварилось.

Вася, сидя на своей кровати в пижаме, зевнул во весь рот.

— Ладно, главное, что на ногах. Давай поешь и спать, завтра же с утра практика по фехтованию.

Я болезненно скривился. Этого мне только не хватало! Но ничего не поделать. Физические упражнения у нас бывали каждый день по факту.

— Подожди немного, — попросил я, садясь на край своей кровати лицом к нему. — Последи за мной. На всякий случай.

Он насторожился.

— Ты уверен? Может, лучше ещё подождать? Так как всё прошло? Ты так ничего и не рассказал.

— Нормально прошло, могло быть и хуже, — немного слукавил я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Просто проверка, лёгкая. Ничего серьёзного. Я аккуратно.

— Так что, ты теперь подмастерье? — голос Васи дрожал от восхищения.

— Не знаю, вроде как да. Потому и хочу проверить, насколько заметны изменения.

Я только прикрыл глаза, как сосед снова позвал меня:

— Совсем забыл, это тебе, староста твой приходил и передал. Оставил записи по пройденному и домашку. Я сказал, что отдам.

Я взял листок. Чёткий, почти каллиграфический почерк, все структурировано: тема, ключевые тезисы, страницы в учебнике, практическое задание. Я не просил его об этом, мы с ним вообще мало общались. Но он подготовил. На губах невольно дрогнула улыбка.

— Ответственный парень. Хороший староста, — довольным тоном сказал я.

Положил листок на свой стол. Сейчас не до учёбы, любопытство раздирало. Как и Васю, судя по его взгляду.

Я устроился поудобнее, скрестил ноги, положил ладони на колени. Закрыл глаза.

Погружение было... другим. Раньше, чтобы коснуться дара, требовалось небольшое усилие, чтобы настроиться. Сейчас же он был здесь. Не свеча, не крошечное солнце, а ровный, уверенный костёр. Довольно яркий. Но что-то в нём было не так. Не то, чтобы чуждое, но... изменённое. Раньше пламя в моём внутреннем восприятии было тёплым, желтоватым, казалось живым. Сейчас оно горело жёстким, почти белым светом, с холодной синевой по краям, будто сердцевина звезды или электрическая дуга. Субъективно, конечно. Но разница ощущалась.

И самое странное — когда я мысленно потянулся к нему, дар не просто подчинился. Он будто обрадовался, легко и послушно наполнив тело потоком энергии. Мана потекла по телу, и... она была прохладной. Не ледящей, а именно приятно прохладной, как вода из родника в летний зной. Это было непривычно и дико. Огонь, который холодит.

Я открыл глаза. Вася сидел напротив, внимательно наблюдая. Я кивнул ему: «Всё в порядке».

Затем сосредоточился и, без лишней медитации, просто позволил крошечной искорке энергии вырваться наружу. Не из гнева, не из концентрации — я просто использовал лёгкое раздражение от потерянного учебного дня как мизерную негативную эмоцию. И её хватило.

На моей раскрытой ладони вспыхнуло пламя. Небольшое, размером с грецкий орех.

Раньше оно было бледно-жёлтым, почти прозрачным, словно голограмма. Теперь же в моей руке появился сгусток чистейшего белого света, такого же прозрачного, но визуально более плотного. Пламя почти не мерцало, горело ровно и тихо.

— Вау, — прошептал Вася, придвигаясь. — Оно... другое.

— Не трогай, — предупредил я. — Не знаю, насколько оно ядовито. Не забывай, в основе мана дара.

Но сам я чувствовал странное несоответствие. От пламени почти не исходило тепла. Вернее, оно было, но какое-то... сдержанное, будто тепло ушло внутрь самого огня. Я поднёс ладонь ближе к лицу — только лёгкое, свежее дуновение, как от лёгкого взмаха ладонью.

— Дай я, — осторожно сказал Вася.

Он не стал лезть в пламя, а медленно поднёс свою руку сбоку, остановив ее сантиметрах в десяти. Его брови поползли вверх.

— Оно... какое? То есть... Я почти ничего не чувствую, оно явно не греет. Будто... Будто это просто иллюзия пламени.

Нам обоим стало до дикости интересно. Я аккуратно, не гася пламя, взял с тумбочки чистый листок бумаги из блокнота и поднёс к краю белого огня.

Бумага вспыхнула мгновенно, ярко и без остатка превратившись за секунду в пепел, который я стряхнул в специальную металлическую тарелку. Многие имели подобные, сжигая черновики и неудобные послания, а пепел потом отправляли в мусорку или окно. Моя бумажка сгорела совершенно обычно. Жар был внутри пламени, а не снаружи, однозначно.

Я протянул руку, и Вася достал для меня специальный градусник из моего набора инструментов в тумбочке. Рядом действительно не было повышения температуры. Будто и не горит ничего. Но стоило прибору попасть внутрь, как столбик стремительно пополз вверх и быстро достиг отметки больше трёхсот градусов. Достаточно, чтобы поджечь дрова. Но это был мини-

мум моих сил, и он оказался выше, чем с прошлым пламенем, там было около двухсот при равных условиях. Да и грел он, в отличие от этого.

Мы сидели и смотрели на это странное, холодное снаружи, но смертельно горячее внутри белое пламя. Чёрт знает, что я с собой сделал. Но это работало. И это было моим даром. Таким вот необычным, уникальным.

Дедушка Андрей оказался прав, не зря я последовал советам из его мемуаров. Пусть его дар и был самым обычным, он оказался хорошим учителем через призму прошедших лет для того самого внука от любимой дочери, о котором он так грезил.

— Очень странный огонь, — констатировал Вася, наконец отодвигаясь. — Его изучать и изучать теперь. Но время есть, стихийные факультеты только во второй половине года.

Я молча согласился, кивнув, и погасил пламя, сжав кулак. Бодрость, подпитанная любопытством и небольшим выбросом адреналина, тут же иссякла. Меня вновь накрыла волна усталости, ещё более глубокая, чем после пробуждения. Я зевнул так, что челюсть хрустнула.

— Ладно, — пробормотал, потягиваясь. — Пару часов покопаюсь в том, что староста написал. А потом — отрублюсь до утра.

Вася, видя, что эксперимент окончен, и со мной вроде ничего не происходит, наконец повалился на свою кровать.

— Смотри только не усни над конспектами, — буркнул он, уже натягивая одеяло на уши.

Я сел за стол, включил настольную лампу, отбрасывающую жёсткий круг света на записи старосты. За окном была тихая осенняя ночь. А в груди тихо и уверенно горел белый, прохладный костёр. Вопросов было больше, чем ответов. Но сегодня на них не было сил. Сегодня нужно было просто выжить, а завтра... Завтра начнется изучение этого нового странного пламени.

* * *

Разумеется, первым делом после пар я вновь направился в комнату для магических тренировок, испытывать свой дар уже с артефактами, которые у меня имелись.

Мой огонь был белым, жёстким белым с синевой. Холодный белый, как его называют, и довольно яркий. При этом при напитке его энергией синева пропадала, а свет становился практически ослепительным.

Но что ещё примечательно, при желании, но только при помощи браслета, я мог менять цвет пламени на любой. Тогда он терял свойство не греть и температура снижалась, но это не принципиально.

То есть, я вполне мог скрывать своё новое пламя ото всех, а так же надеялся, что со временем научусь делать это и без артефактов. В любом случае, дополнительные проверки мне никто устраивать не будет. И о том, что я уже подмастерье, преподавательский состав узнает лишь в конце года. А других товарищей ждёт очень неприятный сюрприз.

Ещё я понял, что управление даром — это, конечно, хорошо, но мне не помешал бы артефакт для медитаций. Венец неплох, но он всё же имеет несколько иное предназначение, как и Око. Так что мой следующий артефакт будет медитативного типа.

Усиление способностей идёт гораздо быстрее, чем я успеваю их осознавать и принимать. Огонь легко лился из меня, но не совсем так, как того мне хотелось бы. Ограничивать его было очень неудобно, но управлять им должен я, а не он сам.

До дуэли с Хомутовым оставалось не так много времени, лишь пара дней. Благо, у нас разрешение на использование артефактов.

Глава 7

Второкурсник против четвёртого курса, магистранта. Подобное было редкостью, но не чем-то уникальным. В отличие от того, когда я, будучи первокурсником, дрался с третьекурсником. Важно понимать, что пробуждение дара происходило именно в день совершеннолетия, до этого момента человек магией не владел.

Но люди не идиоты и всегда понимали, что ребёнка можно подготовить к будущему. Потому аристократы были настолько сильными студентами. Чем больше вложено в образование и развитие тела будущего мага, тем стремительнее будет продвигаться его обучение. Так что мой прогресс, как и прогресс, например, того же Валентина, не вызывал слишком уж большого ажиотажа, поскольку вкладывался в потенциальную норму. Вот если бы кто-то узнал, что Алексея совершенно никак не подготавливали, либо если бы я являлся простолюдином — тогда возникли бы закономерные вопросы.

Спустя год использования своего дара аристократ-маг уже был достаточно сильным. За этот срок вполне реально овладеть своими новыми возможностями на приемлемом уровне, и прогресс замедлялся.

Прорыв на уровень подмастерья тема болезненная, подготовить к этому можно было, разумеется, но не со стопроцентной гарантией. Некоторые студенты из тех, кому повезло достичь третьей звезды неофита, зачастую на ней надолго и задерживались. В любом ранге было много магов, застрявших на третьей звезде. Это не являлось чем-то необычным. Потому четвёртый и пятый курсы вполне могли быть третьезвёздными неофитами.

Среди выпускников насчитывалось крайне мало подмастерьев, лишь около тридцати процентов. Когда в конце года пройду проверку, это точно станет сенсацией. Закончивших второй год в таком ранге по всей Российской империи можно было по пальцам пересчитать.

Сейчас мне не о чем было переживать. Мои артефакты скрывали цвет пламени, при этом от прежней силы до возвышения навыки не отставали, а даже наоборот, превышали показатели. Пусть и незначительно. Но так я точно не буду выбиваться из общей картины.

Песок под ногами привычно скрипел под моими кедами. Мы с Хомутовым эпично открывали дуэльный сезон, и трибуны предсказуемо были полны народа. После нас ещё несколько спаррингов намечалось. Особый интерес к нам был вызван тем, что использовались артефакты.

Хомутов стоял в двадцати шагах от меня. Он светился гордостью и превосходством. Как и у меня, у него не было защитных артефактов. Один атакующий и один для концентрации — всё честно. И всё же от парня шло заметное раздражение. Неужели я настолько неприятен ему? Как-то больше ожидал от него предвкушения скорой победы, это была бы более логичная эмоция. Но с моим контролем, ещё и с Венцом, даже этих крох энергии хватит. Тем более для начала.

Виктор перебирал пальцами рукоять своего меча, будто в нетерпении. При этом позой пытался показать расслабленность, хотя нервозностью так и сквозило от него.

Моя же стойка была нейтральной, экономичной — никакого лишнего напряжения, только готовность к бою. Потому что в победе я и не сомневался, да и вообще сдерживался.

— Как мило, что комитет ограничил меня лишь двумя артефактами, — голос Виктора, слегка приглушённый, донёсся до меня. Он улыбался, и в этой улыбке было столько же тепла, сколько в лезвии его клинка. — Иначе, Стужев, я бы разбил тебя за пять секунд. Жаль лишать публику зрелища, но что поделать — правила.

Как интересно. То есть, он хотел навесить на себя больше артефактов? И как он это себе представлял? Что хватит связей для такой наглости? Кстати, никаких ограничителей или тестеров на нас не надевали, как было перед нашим боем с Огневым. Потому что тут по-любому предел будет нарушен, ведь артефакты способны поднять боевую мощь в разы.

Кстати, о мечях. Из-за артефактов нам предоставили внешне такие же металлические болванки, какими я пользовался в дуэлях и прежде. Но какое-то неуловимое отличие всё же было. Вид стандартный, без изысков, но в них ощущалась скрытая мощь. Что-то похожее я чувствовал от своих артефактов, нечто манящее. Какой-то интерес, привлекательность... Это невозможно было объяснить логически. Но к мечам тяга была ниже. Если это и артефакты, то явно совсем простые. Око Саламандры и Венец Феникса фонили куда больше.

Наконец, затянувшаяся речь диктора об условиях поединка завершилась, и раздался звуковой сигнал.

Хомутов начал первым — видимо, ему не терпелось устроить показательный разгром в первые же секунды боя на виду у всех. Меня удивило лишь, что магию он не применил — атаковал честным фехтовальным выпадом. Неожиданно как-то для такого падкого на грязные методы парня.

Рывок был стремительным, укол — точным, направленным в горло. Я парировал вовремя, почувствовав по вибрации клинка его силу. Да, мы были примерно равны в технике. Но равны только пока я сдерживался. Прощупывать его собирался налегке.

Неужели хотел попытаться задавить меня простым фехтованием?

Но нет смысла размышлять об этом, зачем мне его мотивы. Моя цель — показать тотальное превосходство при минимуме магии.

Мы сошлись в серии быстрых, звонких касаний. Сталь яростно звенела, у меня же мелькнула мысль, что обычная болванка точно бы сломалась от такого напора. Мечи явно близки к настоящим, способным вынести всю мощь полноценного дара.

Виктор атаковал агрессивно, стараясь ошеломить, подавить. Я работал на контратаках, изучая его стиль боя. Уже было ясно, что он любит короткие серии с финальным мощным уколом. Минимум вариативности, что довольно предсказуемо.

Хомутов явно выбрал самые эффективные движения и выучил их до автоматизма. И как только у него не получалось остановить мой выпад заготовленной комбинацией, его движения смазывались. Явная слабость.

Наконец, он не удержался и первым применил магию. Его меч покрылся тёмной субстанцией, ленты из которой являлись козырем его рода. Но не единственным, разумеется. Мне же ещё предстояло найти подобное в своём.

Эта субстанция визуально не перетекала на мой меч, но после соприкосновений тот становился будто массивнее, а в ладони появлялась тяжесть. Очень коварная техника, ведь внутреннюю часть ладони никто защитой не покрывал. Как минимум, это было сложно проделать, не покрывая заодно тот предмет, который находился в руке. Я когда-то и с Огненным справился подобным способом — нагрев рукоять клинка. Похоже, стоило применить этот прием, так как справиться с его техникой я объективно не мог.

Увы, Хомутов не останавливался в покое надолго возле меня, так что воплотить задуманное не вышло. И я решил разорвать дистанцию. Отправил росчерк прозрачной энергии, которая ударила в него и появился некий дымок.

Виктор ухмыльнулся, и в меня полетели тёмные сгустки, которые выпорхнули из его тени.

Я отбил все их своим мечом, разрезав и разрушив структуру, отчего те рассеялись. Затем раскрыл ладонь левой руки, перед ней бесшумно возникла маленькая сфера огня.

Конечно, в Тамбове знали оттенок моего пламени, но не здесь. И всё же я не стал рисковать и приноровился маскировать истинный цвет, внешне оно казалось таким же желтоватым и полупрозрачным, как и всегда.

Я швырнул сферу. Виктор, презрительно фыркнув, сделал изящное движение свободной рукой. Из тени у его ног взметнулась чёрная, как жидкий обсидиан, лента. Она была эластичной, живой и достаточно широкой, чтобы обвить огненный шар, пытаясь задушить. На лице противника застыла улыбка победителя.

Улыбка умерла через секунду.

Мой огонь не погас, вместо этого он съел тень. Не просто прожег, а будто растворил её, заставив чёрную субстанцию с шипящим звуком испариться, оставив после себя лишь клубок дыма и лёгкий запах гари.

Глаза Виктора расширились на долю секунды. И всё же он успел отбить шар, развеяв его, так как замедлить атаку ленте удалось.

— И не надейся, — буркнул он, нахмурившись.

Виктор отступил, и сумрачная пелена вокруг него зашевелилась активнее.

Тень его была самой обычной, лишь когда навык собирал «субстанцию», обретал черноту, которая постепенно становилась непрозрачной, тень бледнела. На всё это требовалось время, быстро атаковать он мог лишь единожды. Я предполагал, что затем требовался откат, так как тень его пропадала совсем. И конечно, всё это усилено артефактами.

Вот и в этот раз тень под ним побледнела, из неё рванулось множество тонких лент, они будто собирались окружить меня.

Неожиданностью стало то, что он взмахнул рукой, и из рукава выпорхнуло мелкое нечто. То ли бабочка, то ли птица, а затем ещё и ещё. В следующее мгновение я понял, что всё же это птицы с длинными острыми клювами.

Но у меня тоже были множественные атаки в арсенале. Я вновь открыл ладонь, перед которой один за другим формировались шары огня. Каждому я дал чёткое направление. Одна за другой были обезврежены ленты, а затем и птицы. Я делал это, отступая спиной назад.

Пришлось выдержать очень много атак, ещё немного, и я был бы вынужден перестать сдерживаться, но пронесло.

Следом мчался Хомутов, сокращая дистанцию. Только я увидел начало его движения, как он уже оказался почти перед моим носом, а его меч, покрытый этой тёмной субстанцией, нанёс мощный рубящий удар. Впервые за время нашего боя не острый.

Я парировал атаку своим клинком, но ее сила была такова, что меня отбросило на несколько шагов, песок хрустнул под кедами.

Хомутов будто вошёл в азарт, его мощные удары сыпались на меня один за другим. Но и я был в ускорении и легко парировал их. В азарте боя не сразу понял, что меня начала окружать тьма. Это произошло довольно быстро, и я не нашёл ничего лучше, чем отскочить подальше.

Эту атаку я знал, снаружи меня было прекрасно видно в лёгкой дымке, внутри же царила абсолютная, всепоглощающая темнота. Невозможно было различить руку перед лицом, как и клинок в ней. Только чёрный бархат, давящий на глаза. Слышал я только скрип песка под его ногами, что мало говорило о реальном положении дел.

Но я не был беспомощным, пусть обычное зрение сейчас и не работало, видение магии никуда не девалось. Мутно, плохо, но движения этих линий было достаточно, учитывая, что Хомутов пытался всё сделать за один выверенный удар, не задерживаясь в области тьмы.

Но это было очень неудобно, я не мог эффективно блокировать, а атаковать — тем более. Потому выловил очередной промежуток между его атаками и прикрыл глаза ненадолго.

Использовал одно из «простых и базовых» заклинаний, прошептал его одними губами. Спасибо дневнику деда. И дар мой откликнулся, мана стихии потекла как надо, преобразуя цвет и уменьшая итоговую мощь. Из меня во все стороны, как иглы ежа, вырвались длинные, тонкие огненные спицы. Они пронзали тьму, не освещая её, но находя цель. Одна из них встретила сталь. Я рванулся на звук, мой меч, уже охваченный тем же призрачным пламенем, встретил клинок Хомутова. Огонь, живой и послушный, потянулся с моего лезвия к его, пытаясь обжечь руку.

Область тьмы рассеялась через положенные ей секунды. Увы, не из-за моей атаки. Мы снова стояли друг против друга, но теперь дыхание Виктора было чаще. На его форме дымились несколько тонкий отверстий от моих игл. Всё же я его зацепил.

— Ты... просто везучий выскочка, — прошипел он, но в его глазах уже горел не расчетливый гнев, а ярость загнанного зверя. — Ты не должен... Ты не можешь!

Он вложил в следующую атаку всё. Тени вокруг него вздыбились, превращаясь в целую бурю из чёрных, полупрозрачных кинжалов и стустков, лент. Одновременно он снова применил рывок, пытаясь зайти сбоку.

Но я лишь усмехнулся и выпустил из себя родовую магию. Она создала вихрь огня, который развеял его, уже порядком ослабевшие, техники. Виктор явно был на грани, гнев изливался из него, а эмоции, как я прекрасно знал, у обычных магов ускоряют расход маны, опустошая источник.

Я увидел, как его последний стусток тьмы рассыпался в прах перед моим лицом. В его глазах ярость сменилась недоумением, а потом — леденящим, животным ужасом.

Следуя своей тактике, я убрал пламя вокруг себя и вернулся к фехтованию. Виктор отчаянно парировал мои удары один за другим, отступая. Чистая защита, и та пропускала удары, но его спасал щит нейтральной магии.

Он выдохся. Его резервы маны, его сила воли — всё было потрачено.

— Почему... — хрипло выдохнул он, отступая, почти спотыкаясь о неровности песка. — Ты обязан быть слабее меня!

Я не ответил. Просто продолжил наступать, оружие он всё ещё держал. Лёгкое выверенное движение, и его меч улетел в сторону. В очередной раз Хомутов споткнулся и упал на одно колено.

Поднял на меня взгляд, полный ненависти и... непонимания. Мой же клинок уткнулся в его подбородок. Одновременно с этим раздался сигнал об окончании боя.

— Если ещё раз увижу тебя рядом со своей сестрой, ты так просто не отделаешься, — чётко сказал я, вызывая очередную волну его гнева.

Странно, как-то от боя с артефактами я ожидал большего. Если бы Хомутов не истратил все свои силы сразу на грубые атаки, возможно, вышло бы более эпично.

Было видно, что он истощён, лицо покрылось смертельной бледностью, руки заметно дрожали.

Повернувшись, я направился к своей комнате дуэлянтов, оставляя за спиной побеждённого графа. Бой был окончен.

Вася встретил меня радостным возгласом и поздравлениями. Кроме него, здесь находились Юрий и Леопольд. Они кинулись ко мне чуть позже, чем Лыдинов, пытаясь изобразить искреннюю радость, но я видел их ледяные глаза и ощущал капельку злости. Надеялись на моё поражение? Но зачем? Чтобы поддержать? Рассчитывали, что захочу выпить? Прежний Алексей часто от расстроенных чувств уходил в запой.

Я холодно принял их поздравления и направился к выходу с Васей. Сильно дёрнул его за руку, когда тот заикнулся о том, чтобы отметить победу.

— Не сейчас, — процедил я сквозь зубы, и Вася неуверенно кивнул.

Но Юрий и Леопольд уже оказались тут как тут, пытаясь подбить меня на празднование. Положение спас внезапный окрик учителя:

— Алексей Стужев?

Все тут же заткнулись, а я подтвердил предположение мужчины с сединой в волосах. Я знал его в лицо, как и то, что он вёл какие-то предметы у старших курсов.

Лет сорока, лицо худощавое, с острыми чертами и внимательными, пронизательными глазами цвета тёмного янтаря. Его взгляд мне показался неприятен, читался в нем какой-то нездоровый интерес, почти как у Ярового. Будто меня перед покупкой разглядывают и видят насквозь, все мои достоинства и недостатки.

Он подошёл ко мне и поинтересовался, есть ли у меня свободное время. Оно было.

— Ну, мы пойдём, — тут же слились «друзья».

Вася тоже кивнул мне и ушёл.

— Я — доцент кафедры стихии огня, Павел Сергеевич Гарев, — представился мужчина, не протягивая руки, лишь слегка кивнув. Его голос был ровным, без эмоций, но в нём чувствовалась внутренняя сила. — Веду специализированный курс по развитию огненного дара. Для твоей группы, впрочем, занятия начнутся только в следующем семестре.

Он сделал паузу, давая мне осмыслить. Понимать бы ещё, что. Ждёт, что я начну восторгаться, что на меня внимание обратили? Не на того напал.

— Хотел поздравить с победой. И... высказать профессиональное восхищение. Контроль, который ты продемонстрировал над пламенем... Он далёк от академических канонов, но оттого лишь интереснее. Особенно учитывая спектр и прозрачность. Ты ведь сдерживал его, не использовал на полную, верно? Да и себя в целом сдерживал.

Я слегка наклонил голову, скрывая настороженность. Похвала от незнакомого преподавателя после дуэли — нестандартная ситуация. Ещё и понял то, что я скрывал.

— Благодарю, Павел Сергеевич.

— Значит, не отрицаешь, — он позволил себе лёгкую, едва уловимую усмешку, которая не дотягивала до улыбки. — Я хотел бы предложить тебе кое-что, надеюсь, интересное. Пройти углублённое исследование дара. Сегодня вечером, в моей лаборатории на кафедре.

Вопрос родился мгновенно, рефлексивно:

— С какой стати? Зачем вам это?

Гарев скрестил руки за спиной. Его поза оставалась открытой, но в ней читалась уверенность человека, который держит все козыри. Но хоть взгляд не такой пронзительный, как до этого.

— Потому что это будет полезно в первую очередь тебе, Алексей. Ты — маг огня в роду, исторически связанном со стужей. Скажи честно, у твоих домочадцев есть отработанные, эффективные методики развития именно твоего типа дара? Или тебе приходится пробивать путь практически вслепую, полагаясь на интуицию и обрывки знаний?

Его слова попали в самую суть. В ту самую проблему, с которой я жил всё это время. Отец лишь предлагал учителей, но я, остерегаясь, что дар всё же необычный, выбрал дневники деда. Хоть предположение не подтвердилось, я получил для себя достаточно много. И сам уже собирался просить себе репетиторов у отца. Информации из книг в академии не хватало для меня.

Я не ответил, что было ответом само по себе. Ведь это очевидно — всё то, что он сказал.

Гарев кивнул, как будто получил подтверждение.

— Я вижу в тебе потенциал. Необычный, сырой, но мощный. Твой уровень предподмастерья очень высок, а вот базы для полноценного использования явно не хватает. Мне интересно помочь раскрыться такому дару. Отчасти причина в профессиональной деформации. Видеть, как талант буксует на ровном месте из-за отсутствия правильного инструмента... Это расточительно.

— А в чём ваша выгода? — спросил я прямо, глядя ему в глаза. Бесплатный сыр обычно оказывается в мышеловке.

Павел Сергеевич снова усмехнулся. На этот раз в его янтарных глазах мелькнуло что-то вроде одобрения.

— Прямолинейность — хорошее качество. Выгода... Чистой воды исследовательский интерес. Твой тип пламени, его манера взаимодействия с материей — это редкий подвид, плохо описанный в литературе. Моя диссертация как раз посвящена классификации и особенностям различных огненных даров, выходящих за рамки стандартного. Ты для меня — уникальный случай — живой, действующий. И, — он сделал акцент, — все данные, которые я получу, будут полностью анонимизированы. В отчётах ты будешь проходить как «Испытуемый Альфа» или под другим подобным шифром. Твоя личность и секреты — тайна. Меня интересует только

магия. Не переживай, ты не единственный студент, которого я изучаю. Разве что остальные с более старших курсов.

Он говорил довольно убедительно. Слишком убедительно? Возможно. Но в его словах была железная логика. Ему действительно могла быть нужна именно моя уникальность для научной работы. А я... я на самом деле нуждался в проводнике в мире огненной магии, помощь которого не сводилась бы к примитивным «брось шар, создай стену». Базовые заклинания огня — это хорошо, но мне требовался живой учитель.

Но главное — он специализировался на необычных типах огня. Вдруг и мне может что-то подсказать, раз такой специалист?

— Лаборатория на кафедре огня? — уточнил я.

— Совершенно верно. Комната 414. После семи вечера. Никакого давления. Если пере-думаешь — не приходи.

Он снова кивнул, уже прощаясь, и сделал шаг назад, разворачиваясь.

— Подумай, Алексей. Иногда самый прямой путь — это принять руку, протянутую не из вежливости, а из любопытства. Особенно если это любопытство профессионала, а не обычного наёмника.

Вдали слышался шум арены — дуэли продолжались, а мы находились в отдельном коридоре для дуэлянтов. Прошлый кандидат уже давно прошёл мимо нас со своей группой поддержки, ещё когда был рядом Вася и те двое из прошлой жизни.

Мысли крутились вокруг странного предложения. Риск? Он определённо там был. Довверять незнакомцу? Глупо. Но... «Отработанные методики развития». Этого не могли дать ни отец, ни архивы деда. А Гарев... В его глазах горел именно огонь познания, а не алчности или интриги. Мне казалось, я уже более-менее научился разбираться в людях.

Что ж, посмотрим, куда приведёт этот путь. Я ведь в любой момент могу отказаться. Он не знал моего истинного огня и уровня. Я мог сказать, что жёлтый — лишь этап метаморфозы пламени, и если не сдерживаться, то тогда он становится белым. Или что мне просто белый не нравится, ведь он напоминал направление света, а у меня оно несколько иное.

Для начала посмотрим, что он может предложить в реальности, а потом уже буду принимать окончательное решение.

Глава 8

Дверь медпункта при арене глухо захлопнулась за Виктором Хомутовым. Коридор встретил его гробовой тишиной, нарушаемой лишь прерывистым, тяжёлым хрипом. Вся правая рука — от плеча до кончиков пальцев — пылала фантомной болью, отголоском последних ударов меча Стужева. Лекари успели заглушить самые явные признаки истощения, но от дальнейшей помощи он отказался. На обуви ещё лежала пыль арены.

В коридоре его ждали. Ближний круг — трое баронов, его друзья. Их лица были бледны и напряжены. Они готовились что-то сказать — соболезновать, оправдываться, спрашивать, — но раньше них вперёд бросилась Мария, считавшая себя его невестой. Она подлетела к нему, её глаза сияли не слезами, а лихорадочным, почти истеричным блеском преданности.

— Виктор! Дорогой! Ты... Всё в порядке? Это ничего, это неважно, ты... — она тянулась руками, чтобы обнять, прикоснуться, доказать. — Это лишь мелкая неудача, я с тобой.

Её порыв стал последней каплей. В ушах снова зазвучали слова Алексея: «Если ещё раз увижу тебя рядом со своей сестрой, ты так просто не отделаешься». Они жгли гордыню, впиваясь в самое сердце. Он не хотел выглядеть так, словно подчиняется угрозам Стужева, но внутренняя злоба — едкая, кипящая от унижения, — уже рвалась наружу. И Мария сама подставилась, выйдя вперёд.

Всё унижение публичного краха, вся ярость от осознания, что его превзошли, наконец нашли выход. Удобный и мгновенный.

Он не принял объятий Марии. Резко, почти наотмашь оттолкнул её руки, и она, не ожидавшая таких движений от него, споткнулась на ровном месте, чуть не упав. Опорой ей стала стена, а затем запоздало дошла и боль от удара по запястьям.

— Отстань! — его голос, сорванный и хриплый, прозвучал как удар хлыста. — Это из-за тебя! Из-за твоего проклятого брата! Ты что, не знала?! Не предупредила, что у него такие артефакты?! Что он...

«...что он настолько силён», — продолжить вслух фразу Виктор не смог, язык не слушался.

Мария замерла, будто её ударили ножом в сердце. Щёки, мгновение назад пылающие румянцем, побелели. Обида, острая и горькая, поднялась комом в горле.

— Я... я пыталась! — её собственный голос сорвался на визгливый шёпот. — Я же говорила тебе, что он изменился, что он сильный! Ты не слушал! Ты только смеялся! Ты...

— Заткнись! — рявкнул он, не давая договорить. Его глаза, налитые кровью, смотрели на неё не как на возлюбленную, а как на источник всех бед. — Когда ты говорила? Ты ничего мне не говорила! Смеешь врать в глаза?! Ты ничего не понимаешь! Ты — подставила меня! Убирайся! Все — убирайтесь!

Виктор махнул рукой, обращаясь уже и к своим друзьям. Те, не решаясь перечить, поспешно бросились к выходу, кидая на Марию жалостливые или неловкие взгляды.

Она же стояла, оперевшись на стену, дрожа, чувствуя, как её мир — мир, где она была избранницей могущественного графа, — рушится в прах из-за его же гордыни. Слова Виктора, его взгляд ранили больше любого поражения.

Хомутов всё ещё сверлил её гневным взглядом, не решаясь на очередную атаку. Он уже понял, что погорячился, но не знал, что предпринять в такой ситуации. Парень никогда не просил прощения и не собирался нарушать это своё кредо.

Не выдержав горечи обиды и этого взгляда, Мария повернулась и бросилась убежать по коридору, не разбирая пути. Слезы, жгучие и позорные, заливали глаза, превращая окружающее в размытое пятно. Она почти не видела, куда двигалась.

Удар был неожиданным и сильным. Она врезалась во что-то твёрдое, потеряла равновесие и отлетела бы, если бы чьи-то сильные руки не схватили её за плечи, грубо, но уверенно удерживая на месте.

— Куда несёшься в таком виде? — раздался над её головой низкий, знакомый голос, полный скорее усталой констатации, чем гнева.

Мария подняла заплаканное лицо. Сквозь водяную пелену перед ней проступили черты Алексея. Он стоял, заслонив собой свет от лампы в узком коридоре, ведущем в комнату дуэлянта. Его лицо было спокойным и умиротворяющим. В одежде не было и намёка на пот или повреждение после дуэли.

Всё, что копилось в ней — обида, унижение, ярость, отчаяние — вырвалось наружу единым, бессвязным вихрем.

— Ты! Это всё из-за тебя! — закричала она, и вместо того, чтобы вырваться, начала бить его ладонями по груди, по плечам, слабо, беспомощно, но со всей силой своего отчаяния. — Ты всё испортил! Всё! Он теперь меня ненавидит! Я его потеряла! Доволен?! Победитель! Гад! Гад!

Она не контролировала слова, рыдая и захлёбываясь.

Алексей не отстранился. Он не схватил её за запястья, не оттолкнул. Просто молча выдержал этот жалкий град ударов, а затем одним резким движением притянул её к себе, обхватив так крепко, что она не могла больше размахивать руками. Прижал её голову к своему плечу, а свободной рукой накрыл её затылок, грубо, почти по-отцовски поглаживая её волосы.

— Тихо, — прозвучало прямо над её ухом. Не приказ, а какое-то странное, твёрдое утешение. — Всё уже закончилось. Просто он не достоин тебя. Всё.

Что-то в этом жесте, в этой неожиданной, молчаливой опоре, а не в ответной агрессии, сломало её окончательно. Истерика, питаемая обидой, сменилась глубокими, надрывными рыданиями. Она вцепилась в его одежду, уже не колотя руками, а просто дрожа, рыдая так, как не рыдала, кажется, с самого детства. Вся её напускная независимость, вся игра в светскую львицу и роковую женщину рассыпалась в прах, оставив лишь напуганную, преданную и безумно несчастную девочку.

* * *

Моё участие в родовых делах Стужевых пока оставалось, по большому счёту, декоративным. Я присутствовал на совещаниях и планёрках, кивал в нужных местах, впитывал информацию. Отец доверил мне формальный надзор за старым заводом на окраине — нечто вроде учебного полигона, — но новые, более серьёзные задачи не делегировал. Видимо, присматривался к моим «радикальным» решениям, на которые дал добро. И пока не рисковал остальными предприятиями. Но я не переживал, так как был уверен в новом управляющем и бухгалтере. Они произвели ещё кое-какие кадровые перестановки, и показатели начали расти вверх. Медленно, но верно.

И да, пришлось мне раскошелиться на переоборудование электросетей завода, как то предлагал Терентий Михалыч. Это траты из родовой казны, так что, по сути, пока мои нововведения привели лишь к убыткам. Но я не сомневался, что всё будет хорошо. И отец не разочаруется в моих решениях.

С Платоном Борисовичем мы виделись регулярно — если не каждый день, то через день. Бывали моменты, когда я мог бы намекнуть или прямо сказать о продолжающейся связи Марии с Хомутовым. Что и сделал. Его реакция была вполне ожидаемой: тонкая складка недовольства у губ, короткое «я приму меры», и — ничего. Никаких действий. Пока это были слухи и неподтверждённые уличные сплетни, пока их не застали с поличным, он, судя по всему, не собирался ввязываться в скандал. А может, уже не знал, куда отправлять дочь в ссылку.

Его позиция мне была совершенно не понятна и весь его холодный образ в моих глазах трещал по швам. Потому что, кроме сурового вида, он больше ничем его подкрепить не мог. Лизка крутила им, как хотела, и лишь когда переходила черту, он её осаживал. Но случилось это крайне редко.

Между тем, ситуация Марии становилась всё патовее и норвила стать губительной для неё самой. Поэтому я решился на последнюю, отчаянную попытку обезопасить и репутацию рода, и, как это ни парадоксально, саму Марию от неё же самой. А заодно и морду набить мудаку, пар спустить, так сказать.

Вопрос о том, насколько она мне действительно сестра, всё ещё висел в воздухе. Я принял имя и судьбу Алексея Стужева, а значит, принял и его семью — со всеми её язвами и абсурдом. Где-то в глубине, на уровне укоренившегося инстинкта из прошлой жизни, жило правило: о своих надо заботиться. Вот только эти «свои» — не спесивая мачеха, а взбалмошная сестра, влюблённая в негодяя. Пётр и Александр, младшие, были ещё детьми, с ними я почти не пересекался. А Мария... Мария была проблемой здесь и сейчас. Проблемой упрямой, слепой и невероятно глупой в своей одержимости.

Мой расчёт был прост и циничен. Я знал натуру Хомутова — мелкого, мстительного, с раздутым эго. Публичное поражение должно было вывести его из себя. И на кого, как не на самую близкую на тот момент девушку, вылить весь этот яд? Я рассчитывал, что он сорвётся на неё. Что его гнев, его унижение станут той холодной водой, которая, если не отрезвит Марию, то хотя бы заставит её на секунду усомниться в своём «идеале».

Именно поэтому я и подстерёг её в том пустом коридоре после дуэли. Мои слова — не утешение, а точные, меткие формулировки — должны были стать солью на её свежую, ещё не осознанную рану. Чтобы обида загорелась ярче, а разочарование в Викторе стало горьким и окончательным.

Я не знал, сработает ли это надолго. Упрямство и глупость Марии были феноменальными. Но я обязан был попытаться. Если не как брат по крови, то как человек, принявший на себя груз этой фамилии и понимающий, что один промах, одна скомпрометированная репутация могут потянуть за собой всех.

* * *

Тем же вечером мне ещё предстояла встреча с доцентом кафедры огня Гаревым. Пришёл я точно в срок, постучался, заглянул и получил разрешение войти.

Кабинет 414 напоминал скорее стерильный операционный блок, совмещённый с инженерным центром. Хотя, я и понятия не имел, как должны выглядеть магические лаборатории. Алхимию — магохимию — мы должны были изучать лишь на третьем курсе. А детально стихии своих даров — только со второго полугодия. Не так много осталось, на самом деле, но я не собирался откладывать своё развитие, если появится реальный шанс продвинуться как магу.

Воздух пах озоном и освежающей чистотой. Павел Сергеевич Гарев в белом лабораторном халате стоял у консоли, изучая данные. Когда я вошёл, профессор обернулся, закончив ввод данных, или чем он там занимался, и огромный экран потух.

— Садись, Алексей, — Гарев указал на стул перед дальним столом в углу, который я даже не заметил сразу. Сам он сел туда же, напротив меня. — Рад, что ты не пренебрежешь моим предложением.

— Вы обещали рассказать всё подробнее, — напомнил я.

— И расскажу, — Гарев откинулся на спинку стула, его пальцы сложились в замок на столе. — Начнём с того, как всё будет происходить, хорошо?

Я кивнул.

— Для начала, я соберу данные о твоём огне. Самое очевидное и базовое. После, если ты согласишься, мы будем встречаться раз в неделю. Часть времени будет посвящена дальнейшим исследованиям, а часть — твоей тренировке как мага огня. Я помогу с основами, благодаря этому со второго семестра на занятиях стихий ты не будешь выделяться как неуч среди остальных обладателей огненного дара. Кроме того, также останутся встречи раз в неделю как твой факультатив или индивидуальные занятия, — называй как хочешь. Ты получаешь наставление от меня как опытного мага огня, в обмен я изучаю твой огонь, не сам дар, прошу заметить.

Он говорил спокойно, размеренно. Казалось, для него совершенно не имело значения, соглашусь я или нет.

— Всё, что происходит здесь, останется здесь, — продолжал доцент. — Сенсоры в этой комнате записывают только магические параметры — спектр, плотность, энергоотдачу, колебания маны. Никакого видео, никаких записей голоса. Исходный файл автоматически шифруется, а ключ будет только у меня. Мне не хочется, чтобы мои исследования присвоил кто-то другой. Для тебя же это означает полную анонимность. Успокаивает?

— Отчасти, — решил я сразу не показывать свою заинтересованность. Пока что всё вышло так, что я получал бесплатного репетитора, заинтересованного в моём развитии. — Мы будем подписывать договор?

— Разумеется, ты официально станешь моим лаборантом, как и ещё четверо студентов. Я удивлённо приподнял бровь, и Гарев не мог этого не заметить.

— Ты будешь единственным с даром, а не талантом. Аристократы, как правило, имеют свои ресурсы. Им не интересно сотрудничество с вольным бароном, пишущим докторскую диссертацию. Я не собираюсь вечно сидеть в доцентах, и вы, вместе с другими студентами, поможете мне в достижении целей. А я — вам. Всё просто.

Пока что всё действительно выглядело довольно просто, и я решил согласиться. Гарев тут же довольно ухмыльнулся и протянул мне договор, который я, разумеется, внимательно прочитал.

Бумага была довольно хорошо написана. Многие аспекты нашего взаимодействия чётко прописывались. А ещё был пункт, который меня удивил — не примыкать к сферистам.

В академии, как мне уже успели рассказать Леопольд и Юрий, да и как я сам смог извлечь крохи информации из доставшейся в наследство памяти, существовали две фракции. Если в Тамбове из-за смены ректора разразилась настоящая война, то в тульской академии противостояние было довольно вялотекущим, и большинство студентов этим даже не интересовалось.

В чём суть? Существовали те, кто поддерживал политику императорского рода Долгоруковых, а были консерваторы. Вторые считали, что магия для аристократов, а простолюдины не достойны образования. Якобы, вся мощь магического искусства должна быть сосредоточена в руках избранных.

Несмотря на то, что уже триста лет как дистанция между магами и маглами сокращалась, некоторые всё ещё желали возвращения своего исключительного статуса. Они отрицали, что прогресс последних столетий дал удобство не только простым людям, но и аристократам тоже, а ещё поднял экономику страны. Среди обычного населения стали появляться слабые талантом маги, но теперь они не были предоставлены сами себе, а становились на учёт. Главным образом из-за воинской обязанности, разумеется.

Было ещё очень много всевозможных факторов, но кого это интересовало? Исторически так сложилось, что академия Тулы стала полем спора двух политических идиом. И сейчас напротив меня сидел представитель фракции «Небесная лестница». Они давали шанс всем проявить себя, вне зависимости от происхождения. Вот только я не совсем понимал, при чём здесь политика и учёба.

— А к небесникам мне присоединяться мне не придётся? — нахмурился и посмотрел на преподавателя.

— Желательно, но вовсе не обязательно. Достаточно, что ты не присоединишься к противникам. Слышал, твой отец из нашей фракции. Ты сам не задумывался о предпочтениях?

Алексей мнил себя сферистом, он довольно пренебрежительно относился к не-магам. Собственно, как и Платон Борисович. Вот только Холодов не просто так был лучшим другом главы рода. Ведь все дворяне в прошлом были простолюдинами, и сферисты их также не жаловали, как новую прослойку общества, появившуюся те самые триста лет назад. По этой причине ещё со времён студенчества мой отец относил себя к небесникам. А Алексей против воли отца в этом вопросе идти не хотел. Да и не имел личного мнения, собственно. Просто Юрий был ярым сферистом, а Леопольд, пусть и не яро, но поддерживал его.

— Я в эти политические игры ввязываться не хочу, — ответил я нейтрально.

— Отлично, — улыбнулся Гарев.

Наверное, мне так же стоило отнести себя к идейным небесникам, но, как и сказал, мне подобное не интересно. Разборок мне хватило ещё в Тамбове, больше ни во что подобное я ввязываться не собирался. Лыстов дворянин, но у него есть я, а потому вряд ли кто-то начнёт докапываться до него.

К слову, Хомутов был сферистом, что в его натуре. Он и ему подобные только и могли, что клевать простолюдинов, за которыми не было никаких родов аристократов. Отчасти это даже шло небесникам на пользу — те могли вербовать наиболее перспективных, хоть поступление в услужение и не снимало с них имперской воинской обязанности. Всё же, обучались-то они за счёт государства.

Когда договор был подписан, Гарев провёл первые тесты, чтобы определиться с графиком моего обучения. На дом дал информационные, здесь и сейчас я прошёл практические замеры.

Что примечательно, преподаватель видел, что на мне артефакт — Око Саламандры я не снимал уже по привычке, — но ничего не сказал.

Тесты совершенно непримечательные, и я бы даже сказал, что скучные. Разжечь огонь на время, кинуть его, подогреть прибор и всё в таком духе. Данные он тут же вносил в компьютер, а у меня появилось кодовое обозначение «сигма».

Бланки теста я обещал занести на следующий день. Закончили мы через полтора часа. Вся информация по моему огню будет доступна через неделю. Даже немного интересно, что нового мне поведаёт доцент Гарев.

Глава 9

Интерлюдия

Елизавета Андреевна пылала гневом. Не крикливым, а тихим, плотным, как ядовитый туман. Она стояла посреди комнаты, её идеально ухоженные пальцы сжимались и разжимались, будто ей хотелось разбить что-нибудь дорогое и хрупкое. Взгляд, обычно такой холодный и расчётливый, метал молнии.

— Как? — её голос, сдавленный от ярости, шипел, как раскалённое железо, опущенное в воду. — Как он, магистрат с пятью артефактами, мог проиграть этому... этому недоучке?! Этому выскочке, который ещё год назад и искру толком выпустить не мог! Это позор! Позор для него, для его рода, для всех, кто на него ставил!

Она говорила, казалось, в пустоту, обращаясь к портрету супруга на стене, к дорогому гобелену, к самой себе. И будто не замечала Марию, которая стояла у высокой спинки кресла, опустив голову. Следы слёз давно высохли на её щеках, оставив лишь чувство стянутости и пустоты внутри. Девушка ведь сообщила, что планы Виктора на пять артефактов провалились, но мать словно не услышала её. Так же, как и он недавно.

Мария была невидима для матери в её буре негодования, и от этого было не менее обидно.

До этого момента Елизавета не обращала внимания на состояние дочери. И только сейчас, немного выпустив пар, смогла уловить сдавленный, совсем детский всхлип. Она замолкла на полуслове. Её взгляд, острый и раздражённый, наконец упал на дочь. Она заметила её опущенные плечи, беспомощно скрещенные на груди руки, опухшие глаза.

— Машенька? — голос её смягчился, натянув привычную маску заботы. — Что с тобой? Что ещё случилось?

Мария подняла на неё глаза, полные новой волны слёз.

— Он... Виктор... Он даже слушать меня не стал, — выдохнула она, голос дрожал. — Я пыталась его предупредить, мама, честно! Говорила, что Алексей... что он стал другим. Сильным. А он только смеялся. А сегодня... после боя... он меня оттолкнул. Сказал, что это я виновата, что не рассказала ему всего. Будто я что-то скрывала!

Елизавета мгновенно перестроилась. Гнев на Хомутова был отложен в сторону, уступив место более насущной задаче — контролю над дочерью. Она быстрыми шагами подошла к Марии и обняла её. Руки её были легки, движения отточены — положенный ритм похлопываний по спине, правильный наклон головы, чтобы щека едва касалась волос дочери.

— Ну, ну, моя девочка, не плачь, — заговорила она сладковато-убаюкивающим тоном. — Он просто озлоблен после поражения. Мужчины всегда ищут, на кого бы переложить вину. Ты не виновата, конечно же. Он остынет, образумится. Вот увидишь.

Мария замерла в этих объятиях. Запах дорогого парфюма матери, шелест шёлка, механические поглаживания. И вдруг её пронзило странное, леденящее осознание. Эти объятия были... поверхностными, пустыми. В них не было той грубой, неловкой, но настоящей силы, с которой Алексей держал её в коридоре, заглушая её истерику. Его руки были железными, а поглаживания по голове — уверенными и тёплыми. Это была неподдельная попытка успокоить. А здесь... Здесь ощущалась лишь красивая, выверенная форма утешения. Ритуал.

Мария внутренне содрогнулась и поспешно отогнала эту кошунственную мысль. Нет. Это же мама. Мама её любит, заботится, она её единственная опора в этом враждебном мире. Алексей же... Алексей просто воспользовался её слабостью. Иначе и быть не может.

Она прижалась к матери чуть сильнее, пытаясь заглушить внутренний диссонанс, и позволила себе ещё немного тихих, уже почти беспричинных слёз.

Елизавета, чувствуя, что дочь успокаивается, позволила себе тонкую, беззвучную улыбку. Буря эмоций миновала, контроль восстановлен. А мысли о проигравшем Хомутове и победив-

шем пасынке уже выстраивались в новые, более изощрённые схемы. Елизавета так просто всё это не оставит.

* * *

После дуэли с Хомутовым я даже не удивился, что поползли слухи о случайном везении. Подобное уже происходило в Тамбове и меня совершенно не задевало.

— Мы-то знаем, что ты честно выиграл! — поддерживающе похлопал меня по плечу Леопольд.

Мы находились в столовой, как обычно, за стандартным четырёхместным столом. Я не знал, зачем эти двое продолжают таскаться за мной, несмотря на полное игнорирование с моей стороны.

— Нам не впервой, — улыбался Вася. — Скоро начнут приходить и сами отказываться от дуэлей. Не бесплатно, разумеется.

Его желание превозносить меня было понятно, и всё же мне не хотелось говорить о подобном здесь и сейчас.

— Когда праздновать будем? — поинтересовался Юрий. — Такое событие нельзя оставлять просто так.

— А мы вчера уже, да, Василий?

Разумеется, никто ничего не праздновал, но Лыдинов мою игру поддержал и кивнул.

Парни переглянулись и начали ныть, что так нельзя, мол, друзья так не поступают и прочее. Я на это лишь пожал плечами.

— Зря ты так, — буркнул Леопольд и вместе со своим приятелем пересел.

Да неужели всё настолько банально оказалось? До сих пор надеялись на халяву? Больше двух недель прошло.

— Так когда празднуем? — не унимался Вася, на что я мог лишь усмехнуться.

— В субботу давай. У меня будет окно вечером.

А ещё следовало найти ту старшекурсницу, которая задолжала мне поцелуй. Как-то надеялся, что встречу её у выхода с арены, или, как минимум, она позже найдёт меня. Но, похоже, я раскатал губу. Или уговор касался Глыбова и Ветвицкого? Что ж, им недолго осталось.

Узнать имя девушки особого труда не составило — я знал её факультет и курс. Так что подошёл к какому-то простолыдину и указал пальцем. Тот благоговейно прошептал: «графиня Ольга Дмитриевна Ривертонская».

Да ладно... Снова графиня?

Лучше сначала поискать в местной ГИС информацию о её роде. Но фамилия кажется знакомой, я когда-то уже встречал. Хотя, графов гораздо меньше, чем баронов, их проще запомнить.

Ривертонские, наверное, одни из немногих в Туле, кто не занимался оружием напрямую. Среди графских родов — так точно. Им принадлежали склады и, внезапно, поезда. Когда-то их род занимался речной логистикой, но времена изменились, и Ривертонские успели «поймать волну». Так что они на сегодняшний день являлись акционерами железнодорожной компании и осуществляли товарные перевозки. Гоняли производимые в Туле товары как в Москву, так и в другие регионы. Выступая как посредники, естественно.

Так что этот род из тех немногих, кто не гнался за госзаказами. Их не штормило, а доходы текли широкой рекой. Благодаря богатству они имели свой вес в городе.

Конкретно об Ольге почти не было информации, она редко появлялась на публике и, как правило, с мужчинами из семьи — отцом, дядей или братьями. Также я не увидел ничего о том, была ли она замужем либо помолвлена. А ведь возраст у неё был приличный для девушки — здесь мало кто в двадцать один был одинок.

Это не мой прошлый мир, тут женщин разбирали пораньше, чтобы те успели родить как можно больше детишек, и стало понятно, насколько сильный дар по итогу у таких потомков. Потому три года академии и при наличии сильного дара — и свадьба.

Наверное, если бы не слабость отца по отношению к членам семьи и переборчивость Марии — сестра давно бы была помолвлена с кем-то. Сейчас же, после всех этих скандалов с Хомутовым, неизвестно, станет ли проблемой пристроить её куда-то. Но чего было у неё не отнять — это сильного дара. Единственное, что всё ещё повышало её ценность как актива.

Жаль только, что тупенькая.

* * *

Время шло своим чередом, и я схлестнулся на арене со своим вторым противником. Информации о нём удалось собрать достаточно — Василий оказался неплохим агентом. Он быстро вошёл в контакт с местными дворянами и простолюдинами, а те делились с ним новостями и сплетнями.

Артемий Ветвицкий соответствовал своей фамилии и являлся друидом. Если на подпольных боях, так популярных среди простого народа, это было одно из бесполезных направлений, то академия переворачивала всё с ног на голову.

Стихия растений была довольно обманчивой. Со стороны могло показаться, что против пироманта подобный противник ничего не может противопоставить. Но так могли думать лишь дилетанты. В магии растения — это не всегда что-то пассивное и медленное. Ветвицкий показал это в первые же секунды нашего боя.

Его дар был не о медленном росте, а о захвате и скорости. Песок арены ожил: из него вырвались не корни, а эластичные, жилистые плети, похожие на хлысты из зелёной проволоки. Они не горели от первого прикосновения — их волокна были пропитаны какой-то влагой, сопротивлявшейся жару.

Основной артефакт Артемия — браслет, усиливавший скорость регенерации растительности. То есть, уже «сломанный» мной фрагмент вполне мог вернуться в строй, что было довольно неудобно. Артефакты воистину творят чудеса, но и от мастерства мага многое зависело.

Бой с Ветвицким был битвой на истощение и скорость. Никакого фехтования, чистая магия. Мой огонь встретил упругое, вязкое сопротивление. Я сжигал одну лозу — из-под земли выростали две. Он создавал целые баррикады из переплетённых стеблей, пытаясь ограничить пространство и задавить меня. Стоило попасться, и бой был бы завершён с одного хода.

Что я мог противопоставить такой, по сути, грубой силе? Пришлось изгаляться. Хоть у меня уже и был в прошлом противник друид, этот в корне отличался, тем более с артефактами.

Огонь против его органики — это не про температуру, а про скорость окисления. Мой жар был высок, но распространялся недостаточно быстро по живой и влажной структуре. Мне пришлось не просто палить, а сжимать пламя, делать его тоньше и острее, превращая в раскалённые лезвия, чтобы перерезать, а лишь потом жечь.

Я быстро научился создавать кратковременные, но интенсивные термические вспышки прямо внутри растительных масс — они взрывались изнутри паром. Что удобно — тут можно было не ограничивать себя.

Так же меня спасало усиление от дара в виде ускорения. Хоть растения и были быстры — до меня им ещё далеко. Но попрыгать по арене пришлось знатно.

Артефакт Ветвицкого, ускоряющий рост, стал его слабостью — он тратил ману на восстановление, а я методично выжигал всё новые побеги, пока его источник не опустел. Победа пришла не тогда, когда я прорвался к нему, а когда арена вокруг него стала чёрным, обугленным пятном. Появляться новым растениям было уже не из чего.

Вероятно, этот парень привык давить массой своих противников, но со мной этот трюк у него не прошёл.

Следующий бой с Сергеем Глыбовым по расписанию должен был состояться только на следующей неделе, так что я успел сходить с Васей в местный дорогой ресторан, где мы отведали вкуснейших морепродуктов под элитные вина в вип-комнате. Я уже привык к такой комфортабельности и приватности, а Васе также было неуютно сидеть в общем зале среди важных персон, которые за недостаток манер могли не просто посмотреть как на отброса, но и сделать замечание.

— Да уж, к такому легко привыкнуть, — довольно сказал Лыдистов, откидываясь на спинку дивана и поглаживая набитый живот.

А потом раздался оглушительный звук отрыжки. Мы посмеялись, разумеется, но я в очередной раз подумал об удобстве закрытых помещений при ресторанах.

Из-за деловых встреч в составе свиты отца, мне оставалось меньше времени на тренировки. Медитации пришлось делать урывками среди дня и перед сном, а полноценные занятия я мог проводить только утром. Благо, в Туле студенты более ответственно относились к физической подготовке, и помещения открывались рано.

Но так же я не забывал уделять внимание маскировке своего дара, чтобы к следующей встрече с Гаревым уверенно подкрашивать своё пламя в нужный оттенок без артефактов.

Наступила новая неделя и очередная дуэль. Сергей Глыбов тоже смог меня удивить. Если Ветвицкий был гибким и коварным, то Глыбов — это ходячая крепость. Песок под его ногами сразу же сплавлялся в твёрдый базальт. Из земли вырывались глыбы, чтобы прикрыть его, или летели, как катапультные снаряды. Его артефакт — пара перчаток, фокусирующих ударную волну через камень, позволяя ему разбивать мои огненные барьеры одной атакой. Мне было сложно надолго устоять на одном месте, так как из-под земли так и норовил выскочить шип, чтобы нанизать меня, словно бабочку.

Это был бой не на хитрость, а на пробивную силу и терпение. Мой огонь против камня. Камень не горит, он плавится. Что слишком медленно и в условиях боя не рационально. А ещё — на это требуется чудовищное количество энергии. Кроме скорости, у меня будто козырей больше и не оказалось.

Но и здесь я применил тактику, схожую с использованной против Ветвицкого — точечные удары. Если с Артемием я разрезал, то тут — колол. Защита моего противника была хороша против объёмных атак, но множественные точечные попадали в цель. А если это ещё умело комбинировать с жаром, то и того лучше.

Я перестал атаковать самого Глыбова, укрытого каменным панцирем, а перешёл к его опоре. Подогревал платформу под его ногами, заставляя парня постоянно обновлять землю под собой, чтобы банально не обжечься. Его обувь довольно быстро пришла в негодность.

Ну, а тонкие иглы, которые мне так хорошо давались благодаря Венцу, я посылал в стыки его каменной брони, в узлы, где концентрация маны была ниже. Его перчатки, способные разбивать что угодно, были бесполезны против постоянно меняющей форму, текучего огня, который я направлял ему под ноги, заставляя терять равновесие и тратить силы на восстановление контроля над землёй.

Я выиграл, когда он, устав от постоянной стабилизации разрушающейся под ним опоры, на секунду ослабил защиту, и мой наполненный маной файербол ударил не в камень, а в нейтральный щит на руке Глыбова. Энергии хватило, чтобы пробить его и нанести серьёзный ожог. На этом бой был завершён.

И снова ни в комнате дуэлянта, ни в коридоре я Ольгу не увидел. Что ж, придётся самому «выбивать долг».

* * *

Я не знал, считала ли Ольга свои слова шуткой, подчёркивающей её статус: посмотреть на старания второкурсника и милостиво пообещать ему награду, которую он всё равно не получит. Вот только если она действительно так думала, то просчиталась. Её слова слышали мои однокурсники — в тот день они были свидетелями как вызовов на дуэль, так и этого обещания. Мне даже делать ничего не пришлось — об этом зашептала вся академия сразу же после моей первой победы над Хомутовым.

Найти Ольгу труда не составило. На большой перемене я пришёл в лекционную аудиторию кафедры военной стратегии. Ривертонская стояла в центре оживлённой группы своих однокурсников, блистая не столько красотой, сколько той абсолютной, незыблемой уверенностью, которая идет от осознания своего положения, денег и влияния семьи.

Моё появление тут же заметили, разговоры в её группе стихли. Уверен, все знали, кто я и зачем явился сюда. Особенно Ветвицкий с Глыбовым — лекция была для всего третьего потока. Они сверлили сою спину ненавистным взглядом, поднимая настроение.

Я прошёл прямо к Ривертонской, остановившись в шаге. Её собеседники отступили, образовав некое подобие арены.

— Ольга. Ты знаешь, зачем я здесь? — спросил я ровно, без вызова в голосе, просто констатируя факт. Но улыбку на губах сдержать не мог.

Графиня снисходительно рассматривала меня весь путь, что я прошёл от двери. Её глаза, холодные и оценивающие, скользнули по мне с ног до головы ещё раз. На её губах играла точно такая же снисходительная, игривая улыбка, с какой она бросала то самое обещание.

— Естественно, знаю, Стужев, — её голос был сладким и кокетливым, но в нём не было ни капли подчинения, а лишь вызов. Я нутром почувствовал, что так просто всё не пройдёт. — Решил сам явиться за наградой от принцессы? Знаешь, это довольно мило.

Девушка сделала шаг вперёд. Её движение было исполнено такого превосходства, что окружающие затаили дыхание. Она не встала на цыпочки. Вместо этого притянула меня к своему уровню, уверенно взяв за подбородок пальцами и слегка, но быстро развернув моё лицо в сторону. Её прикосновение было властным, демонстративным. Это был жест хозяйки, которая собирается наградить собаку за выполненную команду.

Ольга демонстративно чмокнула меня в щёку. Поверхностно, быстро, звучно. И отстранилась всё с той же вызывающей ухмылкой.

— Ну что, доволен, герой? Обещание исполнено.

В её глазах читалось: «Получил своё, а теперь ступай, мальчик. Игра окончена».

Вокруг послышались сдержанные хихиканья. Её друзья смотрели на меня с насмешливым ожиданием — вот он, выскочка, получил свою жалкую милость и теперь обязан удалиться.

Но я пришёл за другим.

— Нет, — сказал я тихо, но так, чтобы слышали все. И в этом одном слове была ледяная твердость. — Не доволен. Не таким был уговор. Не ожидал, что ты дашь заднюю в последний момент.

Её ухмылка сползла с лица. В глазах мелькнуло недоумение, а потом — мгновенная вспышка гнева. Но она не успела ничего сказать или отступить.

Действовать следовало резко и точно. Моя рука обвила её талию, не оставляя пространства для манёвра. Я притянул её к себе, девушка ахнула от неожиданности, её руки упёрлись мне в грудь.

Я не стал ждать или церемониться, так как понимал — время идёт на секунды. Поэтому быстро наклонился и поцеловал её. Твёрдо, властно, нагло — каким был и её первоначальный вызов. Не нежным поцелуем влюблённого, а поцелуем-утверждением, поцелуем-доминированием. Более чем уверен, что со стороны это выглядело достаточно интимно — как и должен парень целовать девушку.

Длилось это несколько секунд. Я чувствовал, как она замирает, потом начинает вырываться. Отпустил её ровно тогда, когда её отталкивающий импульс достиг максимума. И произнес:

— Вот так выполняют обещания.

Ольга отпрянула, как от огня. Её безупречное лицо пылало ярким румянцем. Но это был не стыд, а чистейшая, бешеная ярость. Её губы были плотно сжаты, в глазах бушевала буря из унижения, злости и шока. Уверен, никто до этого не смел с ней так обращаться. Тем более какой-то там барон.

— Ты... — начала она, голос дрогнул от ярости.

Меня же переполняло энергией не только от её гнева, но и окружающих. Наверняка многие парни из её группы хотели бы оказаться на моём месте — но, увы, не судьба. С такими наглыми девушками всё надо брать в свои руки.

Тем временем слова возмущения так и не успели вырваться у Ольги, её закрыли от меня двое одноклассников, парни покрупнее, которые шагнули вперёд, их лица стали угрожающими.

— Ольга, всё в порядке? — бросил один.

Его взгляд, полный ненависти, впился в меня. Прямо цербер, который только и ждёт сигнала «фас».

— Тебе помощь нужна? — прорычал второй, уже откровенно наступая.

Я даже не взглянул на них. Вместо этого смотрел только на Ольгу. Это была наша игра. Свои правила она нарушила первой, так что теперь решала она. Интересно, выйдет потасовка или всё решится миром? В любом случае, сегодня точно прибавится дуэлей в моём расписании.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.